

Роман издан в 42 странах общим тиражом
8 миллионов экземпляров

ЭЛИЗАБЕТ ГИЛБЕРТ

ЕСТЬ

МОЛИТЬСЯ

ЛЮБИТЬ

Один год из жизни женщины в путешествии
по Италии, Индии и Индонезии в поисках ВСЕГО

Есть, молиться, любить

Элизабет Гилберт

Есть, молиться, любить

«РИПОЛ Классик»

2006

Гилберт Э.

Есть, молиться, любить / Э. Гилберт — «РИПОЛ Классик»,
2006 — (Есть, молиться, любить)

ISBN 978-5-386-00210-7

...«Есть, молиться, любить» - книга о том, как можно найти радость там, где не ждешь, и как не нужно искать счастье там, где его не будет, по определению. ...Современная книга о современной женщине, для которой есть, молиться, любить – значит получать удовольствие от жизни. Her magazin

ISBN 978-5-386-00210-7

© Гилберт Э., 2006
© РИПОЛ Классик, 2006

Содержание

Предисловие	5
Книга первая	7
1	7
2	9
3	11
4	13
5	15
6	19
7	21
8	22
9	24
10	29
11	30
12	31
13	34
14	36
15	37
16	39
17	40
18	43
19	45
20	46
21	49
22	52
23	54
24	56
25	58
26	61
27	62
28	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Элизабет Гилберт

Есть, молиться, любить

Посвящается Сьюзан Боуэн – которая поддерживала меня даже на расстоянии двенадцати тысяч миль

История о том, как в поисках смысла жизни одна девушка исколесила всю Италию, Индию и Индонезию

Говори правду, только правду и ничего, кроме правды!
Шерил Луиза Моллер

Предисловие

Что это за книга, или Загадка сто девятой бусины

В Индии, особенно в путешествиях по святым местам и ашрамам, повсюду встречаются люди с четками на шее. Такие же четки висят на шеях голых костлявых йогов устрашающего вида, глядящих на вас с фотографий, развешанных на каждом шагу. (Правда, иногда на них встречаются и откормленные йоги с добродушной улыбкой.) Эти четки называются джапа-мала. В Индии их использовали веками: они помогают индуистам и буддистам поддерживать сосредоточение во время религиозной медитации. Четки берут в одну руку и перебирают пальцами по кругу – одно повторение мантры на каждую бусину. В эпоху религиозных войн средневековые крестоносцы, придя на Восток, увидели, как местные молятся и перебирают джапа-мала. Обычай им понравился, и они привезли четки в Европу.

В традиционной джапа-мала сто восемь бусин. У восточных философов-мистиков число «сто восемь» считается самым благоприятным: совершенное трехзначное число, которое делится на три, а составляющие его цифры «один» и «восемь» при сложении образуют девятку – три умножить на три. Цифра «три», в свою очередь, воплощает идеальное равновесие, и это понятно любому, кто когда-либо видел Святую Троицу или простой барный табурет. Так как моя книга посвящена попыткам найти равновесие, я решила организовать ее по типу джапа-мала. В ней сто восемь глав, или бусин. Цепочка из ста восьми историй делится на три больших раздела, посвященных Италии, Индии и Индонезии, – ведь именно в эти три страны меня завел поиск собственного Я, которому я посвятила целый год. Выходит, что в каждом разделе по тридцать шесть глав, и это число имеет для меня особенное, личное значение – я пишу эту книгу на тридцать шестом году жизни.

Но довольно нумерологии – иначе вы начнете зевать, так и не начав читать. Хочу только сказать, что сама идея нанизать одну историю на другую, подобно бусинам джапа-мала, кажется мне такой удачной, потому что в ней есть структура. Искренний духовный поиск всегда был связан со строгой самодисциплиной и остается таким и сейчас. Истину не нащупать случайно, разбрасываясь по пустякам, даже в наш век, когда вся жизнь – сплошное разбрасывание по пустякам. Четкая структура пригодилась мне и в духовных поисках, и в написании книги; я старалась не отвлекаться от «перебирания бусин», чтобы все внимание было сосредоточено на цели.

Но это еще не все. У джапа-мала есть еще одна, дополнительная бусина – специальная, сто девятая. Она висит за пределами совершенного круга из ста восьми как медальон. Раньше

я думала, эта бусина – что-то вроде запасной на непредвиденный случай, как пуговка, пришитая изнутри к дорожному свитеру, или младший сын в королевском семействе. Но оказалось, сто девятая бусина служит более высокому предназначению. Когда во время молитвы пальцы доходят до этой бусины, отличной от остальных, следует прервать глубокую медитацию и вознести благодарность духовным учителям. Моя сто девятая бусина – Предисловие. Я хочу взять паузу в самом начале и поблагодарить всех учителей, которые явились ко мне в этот год, порой принимая любопытные обличья.

Однако больше всего я благодарна своей гуру, позволившей мне учиться в ее ашраме в Индии. Эта женщина – само воплощение человечности. Думаю, сейчас самое время прояснить еще вот что: в книге описаны исключительно мои личные впечатления от пребывания в Индии. Я – не теолог и не официальный представитель какого-либо течения. Именно поэтому не называю имени своей гуру – кто я такая, чтобы говорить от ее имени? Учение этой женщины говорит само за себя. Я также не упоминаю название и местоположение ее ашрама. Этому замечательному месту ни к чему лишняя реклама, и оно просто не справится с наплывом желающих.

И наконец, последняя благодарность. Имена некоторых людей изменены по разным причинам, но, что касается учеников индийского ашрама (индийцев и европейцев), я решила изменить их все. Я уважаю тот факт, что большинство людей отправляются в духовное паломничество не затем, чтобы их имена потом всплыли в какой-то книге. (Кроме меня, конечно.) Я сделала лишь одно исключение для своего правила всеобщей анонимности: Ричард из Техаса. Его на самом деле зовут Ричард, и он на самом деле из Техаса. Мне захотелось назвать его настоящее имя, потому что этот человек сыграл в моей жизни важную роль.

И последнее: когда я спросила Ричарда, как он относится к тому, что в книге будет написано о его алкогольно-наркотическом прошлом, он сказал, что ничуть не возражает.

Ричард ответил: «Я и сам хотел, чтобы все об этом узнали, но не знал, как лучше сказать».

Но об этом потом. Сначала все-таки была Италия...

Книга первая

Италия,

или «Ты – то, что ты ешь»,

или 36 историй о поиске наслаждения

1

Вот бы Джованни меня поцеловал...

Но это плохая идея, и причин тому миллион. Для начала – Джованни на десять лет меня моложе и, как и большинство итальянцев до тридцати, до сих пор живет с мамой. Одно это делает его сомнительной кандидатурой для романтических отношений, тем более со мной – писательницей из Америки, недавно пережившей коллапс семейной жизни и измученной затянувшимся на годы разводом, за которым последовал новый горячий роман, разбивший мое сердце вдребезги. Из-за сплошных разочарований я стала угрюмой, злой на весь мир и чувствовала себя столетней старухой. К чему тяготить милого, простодушного Джованни рассказами о моем несчастном покалеченном самолюбии? Да и к тому же я наконец достигла того возраста, когда женщина волей-неволей начинает сомневаться в том, что лучший способ пережить потерю одного юного кареглазого красавчика – немедленно затащить в койку другого, такого же. Именно поэтому у меня уже много месяцев никого не было. Мало того, по этой самой причине я решила дать обет целомудрия на целый год.

Услышав это, смысленный наблюдатель непременно спросил бы: тогда почему из всех стран на свете я выбрала именно Италию?

Хороший вопрос. Это все, что приходит в голову, особенно когда напротив сидит неотразимый Джованни.

Джованни – мой языковой партнер. Звучит двусмысленно, но ничего такого в этом нет (увы!). Мы всего лишь встречаемся несколько вечеров в неделю в Риме, где я живу, чтобы попрактиковаться в языках. Сначала говорим по-итальянски, и Джованни терпит мои ошибки; потом переходим на английский – и тогда уж моя очередь быть терпеливой. С Джованни мы познакомились через несколько недель после моего приезда в Рим, благодаря объявлению в большом интернет-кафе на пьяцца Барбарини – того, что стоит прямо напротив фонтана с атлетичным тритоном, дующим в рог. Он (Джованни, не тритон) повесил на доске листовку: итальянец ищет человека с родным английским для разговорной практики. Рядом висело в точности такое объявление, слово в слово, даже шрифт был одинаковый – только адреса разные. На одном объявлении был e-мейл некоего Джованни, на втором – Дарио. Но вот их домашние телефоны совпадали.

Положившись на интуицию, я отправила письма обоим одновременно и спросила по-итальянски: «Вы, случаем, не братья?»

Джованни ответил первым, прислав весьма провокационное сообщение. «Лучше. Мы – близнецы».

Ну как тут не согласиться – двое лучше, чем один. Высокие, смуглолицые, видные и неотличимые друг от друга, обоим по двадцать пять, и у обоих огромные карие глаза с влажным блеском – типичные итальянские глаза, от которых у меня мурашки бегут по коже. Познакомившись с близнецами лично, я невольно засомневалась, не стоит ли мне внести кое-какие поправки в свой обет целомудрия. Например, хранить целомудрие, но сделать исключение для двоих симпатичных двадцатипятилетних близнецов из Италии? Тут я вспомнила одну свою

знакомую, которая, будучи вегетарианкой, все же никогда не может отказаться от бекончика... В мыслях уже складывался текст письма для «Пентхауса»:

...Стены римского кафе освещали лишь дрожащие свечи, и было невозможно понять, чьи руки ласкают...

Ну уж нет.

Нет, нет и еще раз нет.

Я оборвала фантазию. Не время сейчас искать приключений на свою голову и (что неизбежно) усложнять и без того запутанную жизнь. Мне нужно исцеление и покой, а их способно подарить лишь одиночество.

Как бы то ни было, к середине ноября (то есть к сегодняшнему дню) мы с Джованни, который оказался скромным и прилежным парнем, стали хорошими друзьями. Что касается Дарио, более взбалмошного из двоих, то его я познакомила со своей очаровательной подружкой Софи из Швеции, и они проводили время вместе, практикуя совсем другое. Мы же с Джованни только говорили. Мы ужинали вместе и общались вот уже несколько чудесных недель, исправляя грамматические ошибки за пиццей, и сегодняшний вечер был не исключением. Новые идиомы, свежая моцарелла – словом, приятное вечернее времяпрепровождение.

Сейчас полночь, стоит туман, и Джованни провожает меня домой по римским закоулочкам, петляющим вокруг старинных зданий, подобно змейкам-ручейкам в тенистых зарослях кипарисовых рощ. Вот мы и у двери моего дома, стоим лицом к лицу. Джованни обнимает меня по-дружески. Уже прогресс, первые несколько недель он отваживался лишь пожать мне руку. Останься я в Италии еще годика на три, глядишь – набрался бы храбрости для поцелуя. А вдруг он прямо сейчас меня поцелует? Здесь, на пороге... ведь есть еще шанс... и мы стоим, прижавшись друг к другу в лунном свете... это, конечно, будет ужасной ошибкой, но нельзя же упускать возможность, что он сделает это прямо сейчас... ведь всего-то и нужно наклониться и... и...

И ничего.

Джованни отступает.

– Спокойной ночи, дорогая Лиз, – говорит он.

– *Buona notte, caro mio*, – отвечаю я.

Я в одиночестве поднимаюсь на четвертый этаж. Одна вхожу в свою маленькую студию. Закрываю дверь. Меня ждет очередная одинокая ночь в Риме. Долгий сон в пустой кровати в компании итальянских разговорников и словарей.

Я одна, совсем одна, одна-одинешенька.

Мысль об этом заставляет меня выронить сумку, опуститься на колени и прикоснуться к полу лбом. И там, на полу, я обращаюсь ко Вселенной с искренней молитвой благодарности.

Сначала по-английски.

Потом по-итальянски.

И в довершение, чтобы уж наверняка, – на санскрите.

2

Раз уж я стою на коленях, позвольте перенести вас на три года в прошлое – в то самое время, когда началась эта история. Оказавшись там, вы обнаружили бы меня в той же позе: на коленях, на полу, бормочущей молитву.

Но, не считая позы, все остальное три года назад было совсем не похоже на день сегодняшней. Тогда я была не в Риме, а в ванной на втором этаже большого дома в пригороде Нью-Йорка. Этот дом мы с мужем купили совсем недавно. Холодный ноябрь, три часа ночи. Муж спит в нашей кровати. А я прячусь в ванной, пожалуй, уже сорок седьмую ночь подряд и, как и все предыдущие ночи, плачу. Плачу так горько, что наплакала уже лужу слез, которая разлилась передо мной на кафельной плитке резервуаром душевных радиоактивных отходов, – тут и стыд, и страх, и растерянность, и печаль.

Не хочу больше быть замужем.

Мне очень не хотелось верить в это, но правда засела глубоко внутри и не давала мне покоя.

Не хочу больше быть замужем. Не хочу жить в этом доме. Не хочу иметь детей.

Но как это – не хочу детей?! Я же должна их хотеть! Мне тридцать один год. Мы с мужем вместе восемь лет, женаты шесть, и вся наша жизнь построена на уверенности, что после тридцати – самое время остепениться – я наконец успокоюсь и рожу ребеночка. Нам обоим казалось, что к тому времени я устану от постоянных разъездов и с радостью поселюсь в большом доме, полном хлопот, детишек и сшитых собственноручно лоскутных одеял. На заднем дворе будет сад, а на плите – уютно побулькивающая кастрюлька с домашним рагу. (Кстати, это весьма точное описание моей матери, что еще раз доказывает, как трудно было мне отделить себя от этой властной женщины, в чьем доме я выросла.) Но мне все это было не нужно. Я осознала это с ужасом. Мне исполнилось двадцать восемь, двадцать девять, и вот уже неизбежная цифра тридцать замаячила на горизонте, как смертный приговор. Тогда я и поняла, что не хочу заводить ребенка. Я все ждала, когда это желание появится, а оно все не приходило и не приходило. А ведь мне прекрасно известно, что значит *желать* чего-то. И ничего подобного я не чувствовала. Мало того, мне все время вспоминалось, что сказала сестра, когда кормила грудью своего первенца: «Родить ребенка – это как сделать наколку на лбу. Чтобы решиться на такое, надо точно знать, что тебе этого хочется».

Но разве можно теперь дать задний ход? Ведь у нас все идет по плану. Ребенок запланирован на этот год. По правде говоря, мы уже несколько месяцев упорно пытаемся зачать. Но ничего не происходит (разве что – в порядке издевательской насмешки над беременными? – у меня началась психосоматическая утренняя тошнота: каждое утро дарю туалету свой завтрак). А каждый месяц, когда приходят месячные, я украдкой шепчу в ванной: «Спасибо, Господи, спасибо, спасибо за то, что еще хотя бы месяц у меня будет моя жизнь...»

Я пыталась убедить себя в том, что со мной все в порядке. Все женщины наверняка чувствуют то же самое, когда пытаются забеременеть. (Это чувство я характеризовала как «противоречивое», хотя вернее было бы сказать «чувство всепоглощающего ужаса и паники».) Так я и уговаривала себя, что со мной все нормально, хотя все свидетельствовало об обратном. Взять хотя бы одну знакомую, которую я встретила на прошлой неделе. Она только что узнала, что беременна, – после двух лет лечения от бесплодия, которое обошлось ей в кругленькую сумму. Она была в экстазе. По ее словам, она всегда мечтала стать матерью. Годами тайком покупала одежду для новорожденных и прятала ее под кроватью, чтобы муж не нашел. Ее лицо так и лучилось от счастья, и я вдруг поняла, что это чувство мне знакомо. Именно так я чувствовала себя прошлой весной, в тот день, когда узнала, что журнал, где я работаю, посылает меня в Новую Зеландию с заданием написать статью о поисках гигантского кальмара. И я решила:

«Когда мысль о ребенке вызовет у меня такой же восторг, как предвкушение встречи с гигантским кальмаром, тогда и заведу детей».

Не хочу больше быть замужем.

В дневные часы я отталкивала эту мысль, но по ночам не могла думать ни о чем ином. Это была настоящая катастрофа. Лишь я одна могла проявить поистине преступный идиотизм: дотянуть брак до такой стадии – и только потом понять, что хочу все бросить. Дом мы купили всего год назад. Неужели мне не хочется жить в этом замечательном доме? Ведь когда-то он мне нравился. Так почему же теперь каждую ночь я брожу по его коридорам и завываю, как Медея? Неужели я не горжусь всеми нашими накоплениями – дом в престижном районе Хадсон-Вэлли, квартира на Манхэттене, восемь телефонных линий, друзья, пикники, вечеринки, уикэнды, проведенные в магазинах очередного торгового центра, похожего на гигантскую коробку, где можно купить еще больше бытовой техники в кредит? Я активно участвовала в построении этой жизни – так почему же теперь мне кажется, что вся эта конструкция, до последнего кирпичика, не имеет со мной ничего общего? Почему на меня так давят обязательства, почему я устала быть главным кормильцем в семье, а также домохозяйкой, устроителем вечеринок, собаководом, женой, будущей матерью и, в урывках между всем этим, еще и писательницей?

Не хочу больше быть замужем.

Муж спал в соседней комнате на нашей кровати. Я любила и ненавидела его примерно поровну. Будить его и делиться своими переживаниями было совершенно ни к чему. Он и так был свидетелем того, как в течение нескольких месяцев я разваливалась на куски и вела себя как ненормальная (я была даже не против, чтобы меня так называли). Я порядком его утомила. Мы оба понимали, что со мной что-то не так, но терпение мужа было небесконечным. Мы ссорились и кричали друг на друга и устали от всего этого так сильно, как устают лишь пары, чей брак катится к чертям. Даже взгляд у нас стал, как у беженцев.

Многочисленные причины, по которым я больше не хотела быть женой этого человека, не стоит перечислять здесь хотя бы потому, что они слишком личные и слишком безотрадные. Во многом виновата была я, но и его проблемы сыграли свою роль. И это естественно: ведь в браке всегда две составляющие, два голоса, два мнения, две конфликтующие стороны, каждая из которых принимает собственные решения, имеет собственные желания и ограничения. Но я думаю, что некрасиво обсуждать проблемы мужа в этой книге. И не стану никого убеждать, что способна пересказать нашу историю беспристрастно. Пусть лучше рассказ о том, как разваливался наш брак, так и останется за кадром. Я также не стану открывать причины, по которым мне одновременно и хотелось остаться его женой, не стану говорить о том, какой чудесный это был человек, за что я любила его и почему вышла за него замуж и почему жизнь без него казалась мне невозможной. Все это останется при мне. Скажу лишь, что в ту ночь муж был для меня в равной степени маяком и камнем на шее. Перспектива уйти от него казалась невыносимой, но еще более невыносимой была перспектива остаться. Мне не хотелось, чтобы кто-то (или что-то) пострадал по моей вине. Если можно было бы тихонько выйти через черный ход без всякой сумятицы и последствий и бежать, бежать, бежать до самой Гренландии – я бы так и сделала.

Это не самая радостная часть моей истории. Но я должна рассказать ее, потому что именно тогда, на полу в ванной, случилось нечто, навсегда изменившее весь ход моей жизни. Это было сравнимо с тем непостижимым астрономическим явлением, когда планета в космосе переворачивается на сто восемьдесят градусов без всякой на то причины и ее расплавленная оболочка смещается, изменяя расположение полюсов и меняя форму так, что планета в одно мгновение становится овальной, а не круглой. Нечто похожее я тогда и испытала.

А случилось вот что: я вдруг начала молиться.

Ну, знаете, как люди молятся Богу.

3

Надо сказать, такого со мной еще не случалось. Кстати, раз уж я впервые произнесла это многозначительное слово – БОГ и поскольку оно еще не однажды встретится на страницах книги, думаю, справедливо будет отвлечься на минуту и объяснить, что я подразумеваю под этим словом – чтобы люди сразу решили, стоит ли считать мои слова оскорбительными или нет.

Отложим на потом спор о том, существует ли Бог вообще. Хотя нет – давайте лучше совсем забудем об этом споре. Сначала поясню, почему я использую слово «Бог», хотя вполне можно было бы назвать Его, скажем, Иеговой, Аллахом, Шивой, Брахманом, Вишну или Зевсом. Я, конечно, могла бы называть Бога «Оно», как в древних санскритских священных книгах – это довольно точно характеризует то всеобъемлющее, не поддающееся описанию нечто, к которому мне порой удавалось приблизиться. Но «Оно» – какое-то безличное слово, скорее объект, чем существо. Лично мне нелегко молиться кому-то, кого называют «Оно». Мне нужно имя, чтобы создать впечатление личного общения. По этой же причине я не могу обращаться ко Вселенной, Великой бездне, Великой силе, Высшему Существо, Единству, Создателю, Свету, Высшему разуму и даже самой поэтической интерпретации имени Божьего – Тени Перемен, – кажется, так Его называли в гностических Евангелиях.

Ничего не имею против всех этих названий. По мне так все они имеют равное право на существование, поскольку в равной степени адекватно и неадекватно описывают то, что описать нельзя. Но каждому из нас нужно имя собственное, которым бы мы называли это неописуемое нечто. Мне ближе всего Бог, вот я и зову Его Богом. Признаюсь также, что обычно зову Бога «Он», и меня это ни капли не коробит, так как я воспринимаю слово «Он» всего лишь как подходящее личное местоимение, а не анатомическую характеристику и уж точно не повод для феминистского бунта. Не имею ничего против того, что для кого-то Бог – это «Она», я даже понимаю, что вынуждает людей звать Его женским именем. Но, по-моему, Бог-Он и Бог-Она имеют равное право на существование и одинаково точно и неточно описывают то, что должны описать. Хотя стоит все-таки писать эти местоимения с большой буквы в знак уважения к божественному присутствию – мелочь, а приятно.

Вообще-то, по рождению, а не по убеждению я христианка. Родилась в англо-саксонской протестантской семье. Но, несмотря на свою любовь к Иисусу, великому проповеднику мира на земле, несмотря на то, что я сохраняю за собой право в определенных жизненных ситуациях задаваться вопросом, как поступил бы Он, с одной христианской догмой я все же никогда не соглашусь. Это постулат о том, что единственный путь к Богу – вера в Иисуса. Так что, строго говоря, никакая я не христианка. Большинство моих знакомых христиан с пониманием и непредвзятостью относятся к моим чувствам. Правда, большинство моих знакомых никак не назовешь догматиками. Тем же, кто предпочитает говорить и думать строго в рамках христианского канона, могу выразить лишь сожаление и пообещать не лезть в их дела.

Меня всегда привлекали трансцендентальные мистические учения во всех религиях. Я с трепетным волнением в сердце отзывалась на слова любого, кто утверждал, что Бог не живет в догматических рамках священных писаний, не восседает в небе на троне, а обитает где-то совсем рядом с нами – гораздо ближе, чем мы можем предположить, наполняя наши сердца своим дыханием. И я благодарна всем, кому удалось заглянуть в самый центр собственного сердца и кто вернулся в мир, чтобы сообщить всем нам, что Бог – это *состояние безусловной любви*. Во всех мировых религиозных традициях всегда были мистики-святые и просветленные, и все они описывали один и тот же опыт. К сожалению, для многих дело кончилось арестом и казнью. И все же я отношусь к ним с глубоким трепетом.

По существу, того Бога, к которому я пришла, очень легко описать. Был у меня когда-то песик. Бездомный, из приюта. Он был помесью примерно десяти разных пород, и от каждой

из них взял самое лучшее. Пес был коричневого цвета. И когда люди спрашивали, что это за собака, я всегда отвечала одинаково: «Это коричневый пес». Так и на вопрос, в какого Бога я верю, отвечаю просто: «В хорошего Бога».

4

Конечно, с той ночи, когда я заговорила с Богом впервые в ванной на полу, у меня было немало времени, чтобы сформулировать мнение о Всевышнем. Но тогда, в самом эпицентре мрачного ноябрьского кризиса, мне было не до теологических рассуждений. Меня интересовало только одно: как спасти свою жизнь. Наконец я поняла, что достигла того состояния безнадежного, самоубийственного отчаяния, когда некоторые как раз и просят о помощи Бога. Кажется, я читала об этом в книжке.

И вот сквозь рыдания я обратилась к Богу и сказала что-то вроде: «Привет, Бог. Как дела? Меня зовут Лиз. Будем знакомы».

Да-да, я обращалась к Богу так, будто нас только что представили друг другу на вечеринке. Но каждый говорит, как может, а я привыкла, что знакомство начинается именно с этих слов. Мне даже пришлось одернуть себя, чтобы не добавить: «Я ваша большая поклонница...»

– Извини, что так поздно, – добавила я. – Но у меня серьезные проблемы. И прости, что раньше не обращалась к Тебе напрямую, хотя всегда была безмерно благодарна за все то хорошее, чем Ты наградил меня в жизни.

При этой мысли меня накрыла новая волна рыданий. Бог ждал. Я взяла себя в руки и продолжила:

– Молиться я не умею, да Ты и сам видишь. Но не мог бы Ты мне помочь? Мне очень нужна помощь. Я не знаю, что делать. Мне нужен совет. Пожалуйста, подскажи, как поступить. Скажи, что мне делать. Скажи, что мне делать...

Так вся моя молитва свелась к одной простой просьбе – «скажи, что мне делать». Я повторяла эти слова снова и снова. Уж не знаю сколько раз. Но молилась я искренне, как человек, чья жизнь зависит от ответа. И плакала.

А потом все резко прекратилось.

Я вдруг поняла, что больше не плачу. Не успела я довсхлипывать, как слезы исчезли. Печаль улетучилась, как в вакуумную дыру. Я отняла лоб от пола и удивленно села, отчасти ожидая увидеть некое великое божество, которое осушило мои слезы. Однако в ванной я была одна. Но при этом рядом со мной ощущалось что-то еще. Меня окружало нечто, что можно описать как маленький кокон тишины – тишины столь разреженной, что боязно дышать, чтобы не разрушить ее. Меня окутал полный покой. Не помню, когда в последний раз мне было так спокойно.

А потом я услышала голос. Не паникуйте – то не был зычный Божий глас, как в голливудских фильмах в озвучке Чарлтона Хестона. И он не приказывал мне построить бейсбольное поле на заднем дворе². Это был мой голос, и доносился он изнутри. Но я никогда не слышала, чтобы мой внутренний голос был таким мудрым, спокойным и понимающим. Мой собственный голос мог бы звучать именно так – будь моя жизнь наполнена любовью и определенностью. Невозможно описать, какой заботой и теплом был проникнут этот голос, который дал мне ответ и навсегда избавил от сомнений в существовании божественного.

Он сказал: «Иди спать, Лиз».

И я вздохнула с облегчением.

Сразу стало ясно, что это и есть единственный выход. Ведь любой другой ответ показался бы мне подозрительным. Вряд ли я поверила бы хоть одному слову, если бы раскатистый бас вдруг произнес: «Ты должна развестись с мужем!» или «Ты не должна разводиться с мужем!» В этих словах нет истинной мудрости. Истинно мудрый ответ – единственно возможный в дан-

---

² Имеется в виду фильм «Поле мечты» 1989 года, где Кевин Костнер играет фермера, который слышит таинственный голос, приказывающий ему построить бейсбольное поле на месте кукурузного. (Здесь и далее примеч. пер.)

ный момент, а в ту ночь единственным возможным выходом было пойти спать. Иди спать, сказал всеведущий внутренний голос, потому что тебе необязательно знать главный ответ прямо сейчас, в три часа ночи, в четверг, в ноябре. Иди спать, потому что я люблю тебя. Или спать, потому что единственное, что тебе сейчас нужно, – хорошо отдохнуть и позаботиться о себе до тех пор, пока не узнаешь ответ. Иди спать, и, когда разразится буря, у тебя хватит сил ей противостоять. А бури не избежать, моя милая. Она придет очень скоро. Но не сегодня. Поэтому...

Иди спать, Лиз.

Между прочим, этому эпизоду свойственны все типичные признаки опыта обращения в христианство: душа, погруженная в глубокие сумерки, мольба о помощи, голос свыше, чувство перерождения. Но для меня это не было обращением в традиционном смысле слова – то есть перерождением, или спасением. Я бы скорее назвала случившееся в ту ночь началом религиозного *общения*. То были первые слова открытого и сулящего открытия диалога, который в конечном счете приблизил меня к Богу.

5

Если бы я знала, что мое и без того плачевное положение обернется еще более плачевным (как сказала однажды Лили Томлин), вряд ли бы я спала так крепко той ночью. Но спустя семь месяцев, которые дались мне очень тяжело, я все-таки ушла от мужа. Приняв решение, я думала, что худшее позади. Как оказалось, мало я знала о разводах.

Помню один комикс в «Нью-Йоркере»: женщина говорит подруге, мол, хочешь узнать мужчину получше, разведись с ним. У меня, конечно, все вышло наоборот. Я теперь могу давать такой совет: хочешь, чтобы кто-то стал тебе совсем незнакомым человеком, разведись с ним. Или с ней. Потому что именно это произошло у нас с мужем. Кажется, мы оба были ошарашены тем, как быстро два самых близких в мире человека могут превратиться в незнакомцев, совершенно неспособных найти общий язык. Причиной отчуждения стало наше поведение: мы оба делали то, чего другой никак не мог ожидать. Муж ни на секунду не мог представить, что я действительно от него уйду, а я, даже в страшных снах, не могла вообразить, что он приложит все усилия, чтобы затруднить этот процесс.

Я искренне верила, что, когда объявлю мужу о своем решении, мы в момент, буквально за пару часов, решим все финансовые вопросы. И понадобится нам для этого всего лишь калькулятор, немного здравого смысла и искреннее пожелание счастья тому человеку, который еще недавно был любимым. Я думала, мы продадим дом и разделим доход пятьдесят на пятьдесят; мне и в голову не приходило, что все может сложиться иначе. Но мужу мое предложение показалось несправедливым. Тогда я повысила ставки и предложила другой расклад: пусть забирает все, а мне останутся лишь угрызения совести. Но даже это его не устраивало. Тут я растерялась. О чем еще договариваться, когда я и так предложила отдать все? Мне ничего не оставалось, как ждать встречного предложения. Я не смела думать, что имею право хоть на цент из заработанного мною за последние десять лет, – так мне было стыдно, что я бросила семью. Мало того, недавно приобретенные духовные знания не позволяли мне вступать в стычки. Моя позиция была такой: я не стану ни защищаться, ни враждовать с ним. Очень долго, несмотря на советы всех, кому была небезразлична моя судьба, я даже не хотела обращаться к адвокату, потому что считала это проявлением враждебности. Я хотела быть как Ганди. Как Нельсон Мандела. Не зная тогда, что и Ганди, и Мандела сами были адвокатами.

Шли месяцы. Я застряла в неизвестности и ждала, когда же стану свободной, когда мне наконец предъявят условия. Мы жили отдельно (он переехал в квартиру на Манхэттене), но ситуация оставалась неразрешенной. Копились счета, простаивала карьера, ветшал наш дом, но муж прерывал молчанку лишь для того, чтобы изредка напомнить мне, какая я эгоистичная дура.

А ведь был еще и Дэвид.

Мои переживания из-за Дэвида, в которого я влюбилась перед тем, как уйти от мужа, во много раз приумножили осложнения и боль от многолетнего скандального развода. Говоря, что «влюбилась» в Дэвида, я имею в виду, что нырнула в его объятия после расставания с мужем, как циркач из мультика ныряет с высокой платформы в маленький стакан с водой, умещааясь в нем целиком. Сбежав от мужа, я цеплялась за Дэвида, как американский солдат за последний вертолет из Сайгона. Он был моей надеждой на спасение и счастье. Конечно же я его любила. Если бы я знала словечко, способное охарактеризовать эту любовь глубже, чем «отчаянная», я бы ввернула его тут. От отчаянной любви, знаете ли, всегда самые большие трудности.

Сразу после того как я ушла от мужа, мы с Дэвидом стали жить вместе. Дэвид был – и остается – достойным восхищения. Уроженец Нью-Йорка, актер и писатель, огромные карие глаза с влажным блеском – типично итальянские глаза, от которых у меня мурашки бегут по коже (кажется, я уже говорила). Дэвид разбирался в жизни и ни от кого не зависел, был

вегетарианцем и умел красочно материться; занимался духовными практиками и знал, как обращаться с женщинами; не признавал авторитетов, писал стихи, занимался йогой. Баловень судьбы из нью-йоркского пригорода, он производил неизгладимое впечатление. Незабываемое. По крайней мере, на меня. Когда моя подруга Сюзан впервые услышала, как я его расхваливаю, ей было достаточно одного взгляда на мое горячее лицо, чтобы сказать: «Ну ты и попала, детка».

Дэвид играл в пьесе по мотивам моих рассказов – так мы и познакомились. Его герой родился в моем воображении, что уже кое о чем говорило. Ведь когда ты отчаянно влюблена, иначе и быть не может. Отчаянно влюбленные люди всегда воспринимают своих возлюбленных как вымышленных героев и требуют, чтобы они были именно такими, как им нужно, а когда те отказываются выполнять предназначенную роль, чувствуют себя несчастными.

Но как весело нам было вместе в первые месяцы, когда Дэвид все еще был моим романтическим героем, а я – его ожившей мечтой! Никогда не думала, что двое людей могут быть настолько совместимы, что они способны так волновать друг друга. Мы даже придумали собственный язык. Уезжали то на день, то надолго в настоящее дорожное путешествие. Взираясь на вершины, ныряли на самое дно, планировали совместные кругосветные экспедиции. Даже в очереди в Департамент автотранспорта нам было веселее, чем большинству людей в медовый месяц. Мы дали друг другу одинаковые прозвища, и теперь нас было не различить. Мы ставили цели, давали клятвы и обещания и вместе готовили ужины. Он читал мне вслух и стирал мои вещи. (Когда это случилось впервые, я даже позвонила Сюзан поделиться своим потрясением от только что увиденного чуда. Это было все равно что увидеть верблюда, звонящего из телефонной будки. Я воскликнула: «Мужчина только что постирал мое белье! А нижнее белье выстирал вручную!» На что Сюзан снова ответила: «Ну ты и попала, детка».)

Наше первое лето было похоже на начальные кадры всех мелодрам, вместе взятых: мы брызгались в прибое и бежали, взявшись за руки, в сумерках по золотым лугам. В то время я еще продолжала думать, что дело с разводом, быть может, разрешится по-доброму, – ведь я дала мужу целое лето на отдых от переговоров, надеясь, что за это время мы оба успеем остыть. Да и легко было не думать о плохом, когда тебя окружает столько хорошего. Но потом это лето (которое на самом деле было всего лишь отсрочкой неизбежного) закончилось.

В последний раз я видела мужа девятого сентября две тысячи первого года. Тогда я еще не знала, что все наше последующее общение будет проходить через адвокатов. Мы ужинали в ресторане. Я пыталась обсудить наш развод, но все мои попытки заканчивались ссорой. Он сказал, что я лгуныя и предательница, что он меня ненавидит и больше не скажет мне ни слова. Через два дня я проснулась, проворочавшись всю ночь, и узнала, что угнанные самолеты врезались в два самых высоких здания моего родного города и все, что когда-то казалось нерушимым, превратилось в дымящуюся лавину обломков. Я позвонила мужу удостовериться, что он цел, и мы вместе погоревали о случившейся катастрофе, но все же я к нему не поехала. На той неделе, когда все ньюйоркцы отбросили враждебность перед лицом гораздо более серьезной трагедии, я так и не вернулась к мужу. Именно тогда мы поняли, что все кончено, кончено навсегда.

Следующие четыре месяца я не спала. И это не преувеличение.

Раньше мне казалось, что моя жизнь разваливается на части, но теперь от нее и вовсе остались клочки. Впрочем, это вполне соответствовало состоянию окружающего мира, который тоже рушился на глазах. Становится не по себе при мысли о том, какую ношу я возложила на Дэвида в те несколько месяцев, что мы прожили вместе после одиннадцатого сентября и нашего с мужем окончательного расставания. Могу представить его удивление, когда он выяснил, что в сердце у самой счастливой и уверенной в себе женщины, стоит ей только остаться наедине с собой, разливается грязное болото бездонной печали. Я опять начала постоянно плакать. Тогда Дэвид стал замыкаться в себе, и настала моя очередь увидеть другую сторону моего

романтического героя. Этот Дэвид был одинок, как жертва кораблекрушения на необитаемом острове; до него невозможно было достучаться, и он требовал не меньше личного пространства, чем стадо бизонов.

Эмоциональное отчуждение Дэвида было бы для меня катастрофой даже при обычных обстоятельствах, ведь я представляю собой самую любвеобильную форму жизни на планете, нечто вроде помеси золотистого ретривера и рыбы-прилипалы. Но тогдашние обстоятельства были хуже не придумаешь. Я была в отчаянии, зависела от Дэвида и нуждалась в его любви не меньше, чем недоношенные тройняшки нуждаются в материнской заботе. Глядя на то, как он замыкается в себе, я все сильнее требовала ласки, а он, глядя на мою требовательность, лишь сильнее замыкался в себе. Очень скоро ему пришлось буквально бежать под перекрестным огнем из моих слезных требований: «Куда ты уходишь? Что же с нами произошло?»

Запомните на будущее: мужчины просто обожают, когда им задают такие вопросы.

Дело в том, что я привязалась к Дэвиду, как к наркотику (в свою защиту скажу, что он сам поощрял это, будучи, если можно так выразиться, роковым мужчиной). Теперь же, когда он стал уделять мне меньше внимания, я жила в предвидении легкопредсказуемых последствий. Болезненная привязанность непременно сопровождает все истории об отчаянной любви. Все начинается, когда предмет обожания дарит тебе головокружительную, галлюциногенную дозу чувства, о котором ты не смела и помышлять, — это может быть, к примеру, эмоциональный коктейль из неземной любви и ошеломляющего восторга. Вскоре без интенсивного внимания уже не обойтись, и тяга превращается в голодную одержимость наркомана. Когда наркотик отнимают, человек заболевает, сходит с ума, испытывает эмоциональное опустошение (не говоря уж о ненависти к дилеру, который подсадил тебя на эту дрянь, а теперь отказывается давать ее бесплатно, хотя ты точно знаешь, что она спрятана где-то рядом, ведь раньше тебе ее давали просто так). Следующий этап: ты сидишь в углу, исхудав и дрожа, готов продать душу и ограбить соседей, лишь бы еще раз испытать тот кайф. Тем временем предмет обожания начинает испытывать к тебе отвращение. Он смотрит на тебя так, будто видит в первый раз, — этот взгляд уж никак не может быть обращен к той, к кому он когда-то питал возвышенные чувства. И самое смешное, разве он в этом виноват? Посмотри на себя. Ты превратилась в жалкую развалину, саму себя не узнать.

Вот и все. Последняя стадия отчаянной любви — полная и жестокая деградация собственного Я.

То, что сейчас я так спокойно об этом пишу, еще раз доказывает, что время лечит. Когда все это происходило, я была отнюдь не так спокойна. Потерять Дэвида сразу после того, как развалился мой брак и террористы напали на мой город, как раз в то самое время, когда бракоразводный процесс принял самый мерзкий оборот (мой друг Брайан как-то сказал, что мой развод был похож на «ужасную автомобильную аварию, которая происходила каждый день в течение двух лет») ... все это было слишком.

Днем нам с Дэвидом по-прежнему было весело и хорошо вместе, но по ночам я казалась себе единственной выжившей после ядерной зимы. Он отодвигался от меня — в прямом смысле, и с каждым днем все сильнее, как будто я была заразная. Я боялась ложиться спать, как заключенный боится спускаться в камеру пыток. Рядом со спящим Дэвидом, таким прекрасным и недоступным, меня затягивал водоворот панического страха одиночества. В моем воображении рисовались мельчайшие подробности собственного самоубийства. Каждая клеточка тела причиняла боль. Я казалась себе примитивным пружинным механизмом, который поместили под гораздо большее давление, чем он способен выдержать, и который вот-вот взорвется, уничтожив все вокруг. Я представляла, как руки и ноги отскакивают прочь от тела, чтобы быть подальше от вулкана безрадостности, в который я превратилась. По утрам Дэвид находил меня на полу рядом с кроватью: я тревожно спала, свернувшись на гряде полотенец, как бездомная собака.

«Ну что еще?» – обычно спрашивал он с видом человека, которого окончательно достали.
За это время я похудела килограммов на пятнадцать.

6

Но все же в те несколько лет со мной происходило не только плохое...

Известно, что Бог никогда не захлопывает дверь у тебя перед носом, не открыв при этом коробку шоколадных конфет (или как там в пословице³), поэтому на общем депрессивном фоне были и радостные события. Во-первых, я наконец начала учить итальянский. И нашла своего духовного учителя, гуру из Индии. И старик-индонезиец, хилер с Бали, пригласил меня приехать к нему погостить.

Объясню все по порядку.

Моя жизнь начала налаживаться, когда в начале две тысячи второго года я съехала от Дэвида и впервые в жизни нашла собственную квартиру. Она была мне не по карману, ведь мне по-прежнему приходилось платить за огромный дом в пригороде, в котором никто уже не жил и который мой муж запрещал продавать, да и услуги адвокатов и психоаналитиков обходились недешево. Но для выживания мне было просто необходимо иметь собственную, хотя бы и однокомнатную, квартиру. Она казалась мне чем-то вроде санатория, восстановительной клиники, где состоится мое выздоровление. Я выкрасила стены в самые теплые цвета и каждую неделю покупала себе цветы – как будто навещала саму себя в больнице. Сестра подарила на новоселье грелку (чтобы не было одиноко в холодной постели), и я спала, прижав ее к сердцу и держа так бережно, как спортсмен – сломанную руку.

Мы с Дэвидом расстались насовсем. Или не совсем насовсем. Трудно припомнить, сколько раз мы расставались и воссоединялись за эти месяцы. У нас образовалось нечто вроде ритуала: я уходила от Дэвида, ко мне возвращались силы и уверенность, а потом его прежняя страсть вдруг вспыхивала с новой силой (когда он видел, какой сильной и уверенной я снова стала). Уважительно и рассудительно мы обсуждали, не стоит ли нам «попробовать снова», и каждый раз придумывали новый, вполне здравый план, как преодолеть нашу очевидную несовместимость. Мы твердо вознамерились решить эту проблему. Ведь разве бывает такое, что двое людей, настолько влюбленных друг в друга, не могут жить долго и счастливо? Не может быть, чтобы у нас ничего не вышло. Просто не может. Воссоединившись и вдохновившись новыми надеждами, мы проводили вместе несколько самозабвенно счастливых дней. Иногда даже недель. Но в конце концов Дэвид опять замыкался в себе, а я начинала требовать его внимания (или наоборот – я липла к нему, а он уходил в себя: так мы и не выяснили, что за чем следует), и мое сердце снова было разбито. А Дэвид уходил.

Он был моей приманкой и отравой.

Когда мы все же были в разлуке, я старалась научиться жить одна, хоть это и было нелегко. В результате такого опыта мой внутренний мир начал меняться. Мне стало казаться, что я вот-вот буду самостоятельной, хотя жизнь моя по-прежнему напоминала массовую аварию на переполненном шоссе в период отпусков. В те минуты, когда мне не хотелось покончить с собой из-за развода или расставания с Дэвидом, меня бесконечно радовало, что у меня вдруг стало появляться свободное время и возможность им распоряжаться. И тогда я задавала себе совершенно новый для меня вопрос: «Чем ты хочешь заняться, Лиз?»

Обычно я даже не осмеливалась ответить на него – меня по-прежнему терзали угрызения совести, что я сбежала от мужа, – но мне было приятно, что он вообще возник. Когда наконец я стала задумываться, чем бы мне действительно хотелось заняться, я делала это очень осторожно, позволяя себе формулировать только мелкие, неглобальные желания. К примеру:

Я хочу заняться йогой.

Я хочу уйти с вечеринки пораньше, вернуться домой и почитать книжку.

---

³ Пословица звучит так: «Когда Бог закрывает дверь, взамен он открывает окно».

Я хочу купить себе новый пенал.

Но одно странное желание присутствовало всегда, когда бы я ни задавала себе этот вопрос:

Я хочу выучить итальянский.

Много лет я мечтала выучить итальянский. Этот язык прекраснее, чем розы. Но моему желанию не находилось практического оправдания. Не логичнее было бы вспомнить французский или русский, ведь их я уже учила несколько лет назад? Или выучить испанский, чтобы лучше понимать своих сограждан-американцев? Зачем мне итальянский? Не собралась же я переезжать в Италию. Выучиться играть на аккордеоне и то практичнее.

Но неужели все, что мы делаем, должно иметь практическую цель? Много лет я пахала, как прилежный солдатик, – работала, писала, всегда укладывалась в сроки, заботилась о близких, держала в порядке зубы и исправно платила по кредиту, голосовала и т. д. и т. п. Неужели вся наша жизнь – это всего лишь обязанности? Неужели в эту темную пору неудач, когда я чувствую, что лишь изучение итальянского способно принести мне радость, мне нужно какое-то иное оправдание? И не такая уж это неперспективная цель – изучение языка. Вот если бы в тридцать два года я решила стать прима-балериной нью-йоркского балета, это вызвало бы сомнения. Но выучить язык – вполне возможно. И вот я записалась на курсы «непрерывного образования» (другими словами, в вечернюю школу для разведенных). Друзья очень смеялись. Мой друг Ник спросил: «Почему итальянский? Ты, наверное, думаешь, что Италия снова вторгнется в Эфиопию⁴, на этот раз успешно, и тогда можно будет похвастаться знанием языка, на котором говорят в целых *двух* странах!»

Но я любила этот язык. В нем каждое слово было как пение соловья, как волшебное заклинание, как тающая во рту конфета. После занятий я бежала домой под дождем, наливала горячую ванну и лежала в пене, читая вслух итальянский словарь и забывая о тяжелом разводе и своем ноющем сердце. Произнося слова, я смеялась от восторга. Я называла телефон *иль mio телефониньо* («мой милый маленький телефончик»). Я стала одной из тех, кто раздражает всех своих знакомых, говоря на прощание *чао*. Только моим знакомым не повезло еще больше: ведь я к тому же объясняла, откуда произошло это слово. (На всякий случай скажу и вам: это сокращение от фразы, которую средневековые венецианцы произносили в интимных ситуациях: «Sono il suo schiavo», или «Я твой раб».) Уже произнося эти слова вслух, я чувствовала себя желанной и счастливой. Адвокат по разводам говорила, что беспокоиться нечего; у нее была клиентка из Кореи, которая после ужасного развода сменила имя на итальянское, чтобы снова почувствовать себя желанной и счастливой.

Да как знать, может, я и в Италию перееду...

---

⁴ Речь идет об итало-эфиопской войне (1935–1936), в результате которой Эфиопия находилась в итальянской оккупации с 1936 по 1941 год.

7

В этот период случилось еще одно примечательное событие – мое знакомство с духовными практиками. Побуждением и стимулом к этому было появление в моей жизни настоящего, живого гуру из Индии. За это я вечно благодарна Дэвиду. Я встретила свою духовную наставницу в первый же вечер, когда пришла к нему домой. Можно сказать, я их обоих полюбила с первого взгляда. Оказавшись в квартире Дэвида, я увидела на комодке фотографию лучезарно прекрасной индианки и спросила: «Кто это?»

Дэвид ответил: «Мой духовный учитель».

Тут сердце мое споткнулось, запуталось в ногах и рухнуло носом вниз. Потом поднялось, отряхнулось, вздохнуло поглубже и объявило: «И я хочу духовного учителя». Это не шутка: сердце говорило со мной, хотя слова вылетали изо рта. Я четко почувствовала, как мое существо странным образом разделилось, мозг на минуту вышел из тела, повернулся к сердцу лицом и безмолвно спросил:

– Неужели?

– Да, – ответило сердце. – Хочу.

Тут мозг спросил не без доли сарказма:

– С каких это пор?

Но ответ уже был мне известен. С той ночи в ванной на полу.

Да, мне хотелось иметь духовного учителя. Я тут же начала фантазировать, как это будет. Прекрасная индианка будет приходить ко мне домой несколько раз в неделю, мы будем сидеть, пить чай и беседовать о божественном, а потом она будет давать мне книги и объяснять всю значимость странных ощущений, возникающих во время медитации...

Но идиллия мгновенно рассеялась, стоило Дэвиду рассказать, что эта женщина знаменита во всем мире и у нее несколько десятков тысяч учеников, большинство из которых даже не встречались с ней. Зато здесь, в Нью-Йорке, есть группа последователей, которые собираются по вторникам для совместной медитации и пения мантр. Дэвид сказал: «Если не пугает перспектива сидеть в одной комнате с сотнями людей, поющих имя Бога на санскрите, можешь как-нибудь присоединиться».

Я пошла на собрание в ближайший же вторник. Меня вовсе не напугали все эти совершенно обычные на вид люди, распеваящие имя Божье; напротив, пение вызвало легкость и душевный подъем. В тот вечер я шла домой и чувствовала, что воздух проходит сквозь меня; я была как чистое белье, трепещущее на веревке, Нью-Йорк казался сделанным из рисовой бумаги, а я – совсем невесомой, способной пробежаться по бумажным крышам. Я стала ходить на собрания каждый вторник. Потом начала медитировать по утрам, повторяя на санскрите древнюю мантру, которую гуру советует всем ученикам (великую «Ом намах шивайя», что означает «я склоняюсь перед божественным внутри себя»). Потом я впервые побывала на лекции гуру, и от ее слов у меня все тело покрылось гусиной кожей – даже лицо. А узнав, что в Индии у нее есть ашрам, я поняла, что обязана побывать там как можно скорее.

8

Но пока мне предстояла поездка в Индонезию.

Меня отправили в командировку. В один из дней, когда моя жалость к себе достигла особо глубокой отметки (денег нет, никого рядом нет, развод так и не сдвинулся с мертвой точки), мне позвонила редактор женского журнала и спросила, не хочу ли я съездить на Бали и написать статью о йога-семинаре. И мне за это еще и заплатят. Я задала ей кучу вопросов, ответ на которые был очевиден, из серии «почему вода мокрая?». На Бали (замечательный остров, к слову) наш инструктор по йоге спросила, не хочет ли кто, пока мы здесь, съездить в гости к балинезийскому хилеру в девятом поколении. Ответ на этот вопрос опять же был очевиден, и все мы как-то вечером завалились к нему домой.

Хилер оказался сморщенным старичком с веселыми глазками, кирпичного цвета кожей и почти беззубым ртом, до жути похожим на учителя Йоду из «Звездных войн». Имя его было Кетут Лийер. По-английски он говорил с переменным успехом, с очень смешными ошибками, но у нас был переводчик на случай, если то или иное слово выпадет у старичка из памяти.

Инструктор по йоге заранее предупредила, что каждый может задать хилеру вопрос или изложить свою проблему, а Кетут уж постарается подсказать, как с ней справиться. Несколько дней я думала, о чем его спросить. Сначала в голову приходила какая-то ерунда. *Как думаете, муж даст мне развод? Стану ли я снова желанной для Дэвида?* Мне самой стало стыдно за такие мысли: ну кто едет на край света к старому индонезийскому лекарю, чтобы спросить у него совета в любовных делах?

И когда наедине старик спросил, чего мне хочется больше всего на свете, я нашла другой, более правдивый ответ.

– Я хочу обрести глубокую веру в Бога, – призналась я. – Иногда мне кажется, что я чувствую Его присутствие в мире, но потом незначительные страхи и желания отвлекают меня, и я теряю это чувство. Мне хочется, чтобы Бог всегда был со мной. Но при этом я не хочу становиться монахиней и отказываться от всех мирских удовольствий. Наверное, я больше всего хочу научиться жить в этом мире и наслаждаться его дарами, но одновременно и посвятить себя Богу.

Кетут сказал, что может ответить на мой вопрос, нарисовав картину. И показал набросок, сделанный им однажды во время медитации. На нем было изображено бесполое человеческое существо, которое стояло, сложив ладони как для молитвы. Но у этого существа было к тому же четыре ноги, а головы и вовсе не было. На ее месте виднелся букет из папоротников и цветов. А на месте сердца была нарисована маленькая улыбающаяся рожица.

– Чтобы обрести равновесие, к которому стремишься ты, – объяснил Кетут через переводчика, – ты должна стать, как это существо. Ты должна крепко на земле стоять, так, словно бы у тебя четыре ноги, а не две. Так ты сможешь оставаться в этом мире. Но тебе нужно перестать воспринимать мир через голову. Сердце должно стать твоими глазами. Только тогда ты познаешь Бога.

Потом старик спросил разрешения погадать мне по руке. Я протянула левую ладонь, и он продолжил раскладывать меня по полочкам, словно решая головоломку из трех кусочков.

– Ты путешественница, – сказал он.

Это было очевидно, учитывая, что на данный момент я находилась в Индонезии, но я, тем не менее, промолчала.

– Такого удачливого человека, как ты, я впервые вижу. Ты проживешь долгую жизнь, у тебя будет много друзей, много впечатлений. Весь мир повидаешь. Одна только проблема есть у тебя. Слишком много ты беспокоишься. Вечно одни эмоции, одни нервы. Если пообещаю, что в жизни у тебя не будет больше причин беспокоиться, согласишься?

Я встревоженно кивнула, не веря ни одному слову.

– Твоя работа связана с творчеством. Возможно, ты художница, получаешь хорошие деньги. Ты всегда будешь получать большие деньги за работу. Но тратишь много, пожалуй, даже чересчур. Еще одну проблему вижу. Один раз в жизни тебе придется потерять все деньги. По-моему, случится это очень скоро.

– Может, даже в следующие шесть – десять месяцев, – пробормотала я, думая о разделе имущества.

Кетут кивнул, точно соглашаясь с моими словами.

– Но беспокоиться не надо, – добавил он. – Сначала потеряешь деньги, а потом все они к тебе вернутся. Все сразу исправится. Замужем будешь два раза. Один брак короткий, второй длинный. И будет у тебя двое детей...

Я думала, сейчас он скажет: «один короткий, второй длинный», – но Кетут вдруг замолк и нахмурился, глядя на мою ладонь.

– Странно... – Вот слова, которые меньше всего хочется услышать от двух людей: предсказателя судьбы и стоматолога. Кетут попросил меня сесть прямо под лампочку, чтобы ему было лучше видно. – Ошибся, – объявил он. – Ребенок будет только один. Дочка, родишь поздно. Может, дочка... как сама решишь. Но тут еще кое-что. – Он нахмурился, поднял глаза и вдруг очень уверенно произнес: – Однажды, очень скоро, ты вернешься на Бали. Ты должна вернуться. Проживешь здесь три, а может, четыре месяца. Станешь моим другом. Может, станешь жить здесь, в моей семье. Я смогу подучить английский. А то учить меня некому. А ты способна к языкам... Ведь твоя работа как-то связана с языком, я прав?

– Да, – ответила я. – Я писательница. Я пишу книги.

– Писательница из Нью-Йорка, – кивнул он, словно подтверждая то, что и так было ему известно. – Да, ты вернешься на Бали и будешь учить меня английскому. А я научу тебя всему, что знаю.

Тут он встал и отряхнул руки, давая понять, что мы договорились.

А я ответила:

– Если вы не шутите, мистер, то и я не шучу.

Кетут улыбнулся беззубым ртом и сказал:

– Значит, увидимся.

9

Такой уж я человек: если индонезийский хилер в девятом поколении говорит, что мне суждено перебраться на Бали и прожить четыре месяца в его доме, я уверена, что так оно и будет, и считаю своим долгом осуществить это любыми усилиями. Именно так у меня и зародилась идея отправиться в путешествие на год. Я чувствовала, что непременно должна вернуться в Индонезию, но за свой счет. Это было очевидно. Хотя как именно это осуществится, трудно было представить, поскольку моя жизнь представляла собой сплошной хаос и расстройство. Помимо развода, который обошелся недешево, и волнений из-за Дэвида была еще работа в журнале, и из-за нее я не могла уехать больше, чем на три-четыре месяца. Но мне было просто необходимо вернуться на Бали. В этом я не сомневалась. Ведь старик предсказал, что так и будет! Проблема в том, что одновременно мне хотелось поехать в Индию, в ашрам к гуру, а поездка в Индию весьма затратна как по деньгам, так и по времени. Как будто дилемма была недостаточно сложной, в последнее время мне к тому же до смерти хотелось попасть в Италию, чтобы попрактиковаться в языке в естественной среде. Кроме того, привлекала перспектива пожить в стране, где существует культ наслаждения и красоты.

Все эти желания противоречили одно другому. Особенно Италия и Индия. Что предпочесть? С одной стороны, как здорово было бы полакомиться телятинкой в Венеции. С другой – просыпаться до восхода солнца, повинаясь строгому распорядку ашрама, а впереди целый день, посвященный лишь медитации и молитвам... Великий суфийский поэт и философ Руми как-то поручил ученикам составить список из трех пунктов, отражающих их самые сильные стремления. Но если какой-либо из пунктов противоречит другому, предупредил Руми, автор списка обречен на несчастливую жизнь. Лучше всего, когда в жизни есть одна цель, учил он. Ведь гармоничная жизнь среди крайностей имеет столько преимуществ. Ведь вполне возможно каким-то образом расширить границы существования и соединить на первый взгляд непримиримые противоположности, обретя мировоззрение, в котором нет взаимоисключающих факторов. На Бали я сказала правду – мне хотелось испытать обе крайности. Простые мирские удовольствия и приобщение к божественному – два пути к счастью в человеческой жизни. Мне хотелось обрести то, что греки называли *kalos kai agathos*⁵ – исключительное равновесие добродетели и красоты. За эти несколько трудных лет я успела соскучиться и по тому и по другому. Ведь удовольствие и преданность духовным идеалам возможны лишь в отсутствие стресса, а моя жизнь была похожа на бездонную сточную канаву, куда беспрерывно сливаются эмоциональные отходы. Что до того, как уравновесить тягу к удовольствиям и веру в Бога... должен же быть способ этому научиться. После короткого пребывания на Бали мне почему-то подумалось, что я смогу узнать этот секрет у балинезийцев. Может, даже у старика хилера?

Существо с четырьмя ногами и букетом из листьев и цветов вместо головы, которое смотрит на мир через сердце...

Так я перестала метаться между Италией, Индией и Индонезией, наконец решив, что хочу побывать во всех этих странах. По четыре месяца на каждую. Итого – год. Конечно, это желание было куда амбициознее, чем «хочу купить новый пенал». Но именно этого мне и хотелось. А еще я знала, что хочу написать книгу о путешествиях. Не то чтобы я стремилась исследовать эти страны вдоль и поперек, многие сделали это до меня. Мне скорее хотелось тщательно изучить аспекты своей личности на фоне каждой страны, в среде, которой эти качества традиционно присущи. Искусство жить в свое удовольствие – в Италии, духовные практики – в Индии и умение уравновесить две этих крайности – в Индонезии. Только потом, признавшись

⁵ Прекрасный и добрый.

себе, чего мне на самом деле хочется, я заметила счастливое совпадение: все три страны начинаются с буквы «И». Это показалось благоприятным знаком в начале моего духовного пути⁶.

Теперь представьте, сколько поводов для издевательств появилось у моих остроумных друзей, когда они узнали об этой затее. Значит, мне захотелось побывать в трех местах, названия которых начинаются на «и»? Тогда почему бы не поехать в Иран, Израиль и Исландию? Или еще проще – пойти в ИКЕЮ в Итоне, штат Индиана? Подруга Сьюзан предложила основать благотворительную организацию «Разведенные без границ». Но все эти шутки были не к месту – ведь я по-прежнему не могла никуда уехать. Прошло немало времени с тех пор, как я ушла от мужа, но развод он мне так и не дал. Мне пришлось оказывать на него давление через суд, совершать ужасные поступки, которые и в кошмарах не снились, – слать повестки, предъявлять обвинения в моральной жестокости, как того требовал закон штата Нью-Йорк. Эти документы не оставляли никакой возможности решить дело деликатно. Я не могла объяснить судье: знаете, у нас с мужем очень запутанные отношения, я в жизни тоже делала ошибки, и мне очень жаль, но я просто хочу, чтобы мне позволили уйти.

(Здесь мне даже хочется прерваться и искренне понадеяться, что мои дорогие читатели никогда – никогда! – не узнают, что такое развод в штате Нью-Йорк.)

Весной две тысячи третьего года дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Через полтора года после расставания муж согласился обсудить условия раздела имущества. Он требовал, чтобы я отдала ему все наши сбережения, дом и оплачивала аренду квартиры на Манхэттене, – собственно, все, что я давно предлагала. Но кроме этого он запросил, и совершенно немыслимо, проценты от продажи книг, написанных мною во время замужества, долю прибыли от экранизации будущих книг, долю моих сбережений в пенсионном фонде и так далее. Тут я просто была вынуждена возразить. Последовали многомесячные переговоры через юристов, в ходе которых мы пришли к некоему подобию согласия. Похоже, мой муж наконец согласился с измененными условиями сделки. Она сулила обойтись мне в круглую сумму, однако судебные баталии отняли бы намного больше денег и времени (не говоря уж о душевной деградации). Если муж соглашался подписать договор, мне оставалось лишь расплатиться и навсегда уйти из его жизни. На тот момент меня это полностью устраивало. От наших отношений ничего не осталось, никакого намека на цивилизованное общение, и единственное, что мне было нужно, – покончить с этим раз и навсегда.

Но оставался вопрос: подпишет ли он? Проходили недели, а он оспаривал все новые и новые пункты. Если бы и это соглашение его не устроило, пришлось бы идти в суд. То есть все, что у меня осталось, до последнего цента, уткло бы на оплату судебных издержек. Но хуже всего, если бы мы начали судиться, что вся эта катавасия растянулась бы еще, как минимум, на год. Поэтому от решения мужа (а он по-прежнему оставался мне мужем) зависело то, как пройдет следующий год моей жизни. Отправлюсь ли я в одиночное путешествие по Италии, Индии и Индонезии? Или буду давать показания под присягой во время перекрестного допроса где-нибудь в подвальном помещении здания суда?

Каждый день я звонила адвокату по пятнадцать раз, надеясь узнать хоть какие-то новости. И каждый день она уверяла меня, что делает все возможное и что немедленно позвонит, как только документы будут подписаны. Состояние нервного ожидания, в котором я тогда пребывала, можно сравнить с чувствами ребенка, вызванного к директору, или больного, ожидающего результатов биопсии. Хотелось бы соврать, что я хранила безмятежность в духе дзен-буддизма, но это было не так. Бывало, в приступе ярости я избивала диван софтболевой битой. Но большую часть времени просто пребывала в тупом унынии.

Тем временем мы с Дэвидом в очередной раз расстались. И теперь, похоже, навсегда. А может, и нет – мы были совершенно неспособны отпустить друг друга. Меня часто переполняло

⁶ В английском языке названия всех трех стран начинаются с буквы «I» – «я».

желание пожертвовать всем ради любви к нему. Бывало и наоборот: хотелось, чтобы между нами пролегли континенты и океаны, – может, тогда мне удалось бы наконец обрести покой и счастье.

У меня появились морщины между бровей от постоянного беспокойства, плача и волнений.

И вот посреди всего этого хаоса мне пришлось отправиться в маленький пресс-тур – книга, которую я написала несколько лет назад, переиздавалась в бумажной обложке. За компанию со мной поехала подруга Айва. Мы с ней одного возраста, но Айва выросла в Бейруте – столице Ливана. Это значит, что, пока я гоняла мячик и ходила на прослушивания для любительского мюзикла в средней школе в Коннектикуте, Айва по пять дней в неделю сидела в бомбоубежище, дрожа от страха и пытаясь выжить. Мне не совсем понятно, каким образом из ребенка, в раннем детстве ставшего свидетелем такого насилия, смог вырасти столь уравновешенный человек, но таких спокойных людей, как Айва, я больше не встречала. Кроме того, у нее есть то, что я называю «телефонный номер Бога» – круглосуточный доступ к некоей высшей мудрости, открытый только для нее.

И вот мы с Айвой едем по Канзасу. Я, как обычно, покрытая нервной испариной от мыслей о разводе – *подпишет? не подпишет?* – говорю ей:

– Не выдержать мне еще одного года по судам. Что мне нужно, так это чудо. Вот бы написать петицию Богу, чтобы Он вмешался и положил делу конец.

– Ну так напиши.

Тут я стала объяснять Айве свое отношение к молитве. Что неудобно мне требовать от Бога чего-то конкретного – как будто моя вера недостаточно сильна. Ну не по нутру мне просить: Бог, будь добр, измени то-то и то-то, потому что очень уж сложно жить. Как знать, может, Он нарочно подстроил мне такие трудности, чтобы я их преодолела? Я больше люблю молиться о том, чтобы Он дал мне мужество справиться с любыми неприятностями, и неважно, как все обернется.

Айва вежливо меня выслушала и спросила:

– И кто вбил тебе в голову такую глупость?

– Почему это?

– Откуда ты взяла, что нельзя просить о чем-то конкретном? Ты сама – часть Вселенной, Лиз. Ты – ее составляющее и имеешь полное право участвовать в том, что происходит в мире, и высказывать свои чувства. Выскажи свое мнение. Изложи проблему. Гарантирую, тебя по крайней мере выслушают.

– Правда? – Вот это новость так новость.

– Правда! Вот послушай: если бы прямо сейчас тебя попросили написать прошение к Богу, что бы ты написала?

Я задумалась на минутку, потом достала блокнот и написала вот что.

Дорогой Бог!

Прошу Тебя вмешаться и покончить с этим бракоразводным делом. Жить вместе у нас с мужем не получилось, и отдельно тоже не выходит. Этот развод отравляет нас и всех, кому безразлична наша судьба.

Я, конечно, понимаю, что Ты занят войнами, трагедиями и намного более важными проблемами, чем бесконечный спор одной непутевой пары. Но мне кажется, благосостояние планеты зависит от благосостояния каждого человека. И до тех пор, пока двое не разрешили свой спор, весь мир будет страдать. А если хоть одна из этих душ освободится от страданий, это будет на благо всему миру – как несколько здоровых клеток способствуют выздоровлению всего тела.

Поэтому низжайше прошу помочь нам разрешить этот конфликт, чтобы хотя бы у двоих людей появилась возможность стать свободными и счастливыми. Тогда в мире, где и без того полно бедствий, станет пусть чуть-чуть, но меньше враждебности и злобы.

Благодарю за внимание.

С уважением,

Элизабет М. Гилберт.

Я зачитала петицию Айве, и та одобрительно кивнула.

– Дай подпишу, – сказала она.

Я протянула ей петицию и ручку, но Айва была за рулем и потому просто сказала:

– Давай представим, что я ее только что подписала. В душе.

– Спасибо, Айва. Ценю твою поддержку.

– Кто еще мог бы подписаться? – спросила она.

– Да вся моя семья. Мама, папа, сестра.

– О'кей, – заявила Айва. – Представь, что все они это сделали. Считаю, их имена стоят на бумаге. Я, можно сказать, почувствовала, как они ее подписали. Они в списке. Так... кто еще? Называй имена.

И я стала перечислять имена тех, кто, по моему мнению, мог бы подписать петицию. Это были все мои близкие друзья, кое-кто из родственников и коллег. Когда я называла очередное имя, Айва убежденно произносила «Да, он только что подписал» или «Она только что подписала». Иногда добавляла и кого-то со своей стороны: «Мои родители подписали бы твою петицию. Их дети росли во время войны. Они ненавидят бесплодные конфликты. И были бы рады, если бы твой развод наконец кончился».

Я закрыла глаза и стала думать дальше.

– Билл и Хилари Клинтон подписали, – выпалила я.

– Не сомневаюсь, – сказала Айва. – Знаешь, Лиз, да кто угодно подписал бы твою петицию. Не ужели не понимаешь? Назови любого человека – живого и мертвого, – и все подписи будут твои.

– Святой Франциск Ассизский только что подписал!

– Точно! – Айва решительно хлопнула по рулю. Тут меня было уже не остановить:

– Авраам Линкольн подписал! Ганди, Мандела и все остальные борцы за мир. Элеанор Рузвельт, мать Тереза, Боно, Джимми Картер, Мохаммед Али, Джеки Робинсон и далай-лама. Моя бабушка – она умерла в 1984 году – и другая бабушка, она еще жива. Мой препод по итальянскому, психоаналитик, литературный агент. Мартин Лютер Кинг-младший, Кэтрин Хэпберн... и Мартин Скорсезе (он совсем неожиданно всплыл, но и ему спасибо). И моя гуру, конечно... и Джоан Вудвард, и Жанна д'Арк, и миссис Карпентер, моя учительница в четвертом классе, и Джим Хэнсон...

Я сыпала именами. Это продолжалось почти час, пока мы ехали по Канзасу, и благодаря всем этим людям моя петиция за мир в душе растянулась на многие страницы. Айва все время поддакивала – тот подписал, та подписала, – а меня вдруг охватило приятное чувство защищенности, словно все эти добрые души окружили меня своей благосклонностью.

Наконец мой список подошел к концу, и вместе с ним ушла взбудораженность. Захотелось спать. Айва сказала:

– Поспи. Я еще поведу.

Я закрыла глаза. И тут мне в голову пришло последнее имя.

– Майкл Джей Фокс подписал, – пробормотала я и уснула. Не знаю, как долго я спала, может, всего минут десять, но очень крепко. Когда очнулась, Айва по-прежнему вела машину и тихонько напевала себе под нос. Я зевнула...

И тут зазвонил телефон.

Я посмотрела на *иль mio телефониньо*, который иступленно вибрировал в пепельнице арендованной машины, словно не в силах сдержать волнения. После сна я еще плохо ориентировалась в пространстве, была как под кайфом и не сразу сообразила, что нужно делать с телефоном.

– Ты что? – спросила Айва (она раньше меня все поняла). – Возьми трубку.

Я взяла телефон и прошептала:

– Да...

– Хорошие новости! – раздался голос моей адвокатессы из далекого Нью-Йорка. – Он только что подписал бумаги!

10

Несколько недель спустя я уже жила в Италии.

Я ушла с работы, выплатила бракоразводную компенсацию мужу и гонорар адвокату, покинула дом и квартиру, а все, что у меня осталось, отдала на хранение сестре и собрала два чемодана. Так началось мое путешествие длиною в год. И самое главное – оно было мне по карману, ведь произошло настоящее чудо: издательство заранее купило еще не написанную книгу о моих приключениях. Короче, все вышло именно так, как предсказывал старик индонезиец. Я потеряла деньги, но они тут же вернулись ко мне – если не все, то достаточно, чтобы обеспечить год безбедной жизни.

И вот теперь я живу в Риме. Нашла тихую студию в старинном здании всего в нескольких узких улочках от Испанской лестницы, под кружевным тенистым балдахином роскошного сада Боргезе, прямо напротив пьяцца дель Пополо, где древние римляне устраивали гонки на колесницах. Конечно, здешним улицам далеко до простора и великолепия моего старого нью-йоркского квартала с видом на вход в тоннель Линкольна, но все же...

Все же я устроилась неплохо.

11

Первый ужин, отведавший мною в Риме, был так, ничего особенного. Домашняя паста – спагетти карбонара – с гарниром из тушеного шпината с чесноком. (В письме друзьям на родину великий романтик Шелли ужасался итальянским обычаям: «Молодые аристократки здесь едят – никогда не догадаешься что – ЧЕСНОК!») Кроме того, я съела артишок – просто на пробу, ведь римляне до жути гордятся своими артишоками. И еще мне достался неожиданный бонус от официантки: она принесла один гарнир бесплатно. Это была порция жареных цветков цуккини, фаршированных мягким сыром (они были обжарены так быстро, что, наверное, сами не заметили, как их сорвали с ветки). После спагетти я заказала телятину. О, и еще выпила бутылку домашнего вина – в одиночку. И закусила теплым хлебом, сбрызнутым оливковым маслом и посыпанным солью. Плюс тирамису на десерт.

Возвращаясь домой после этого пира примерно в одиннадцать вечера, я слышала шум, доносящийся из окон дома на моей улице. Похоже, там было целое сборище дошколят, – может, у кого-то из детей день рождения? Смех, визг, беготня. Поднявшись по лестнице в квартиру, я легла на кровать и выключила свет. И стала привычно ждать, когда же меня охватит тревога или слезы польются – обычно именно это и случалось, стоило мне остаться одной в темноте. Но сегодня мне было хорошо. Я чувствовала себя нормально. Первые шаги к счастью были сделаны.

Уставшее тело спросило уставший мозг: «И это все, что тебе было нужно?»

Ответа не последовало. Я уже крепко уснула.

12

Кое в чем все западные мегаполисы похожи. Все те же африканцы торгуют поддельными сумками и очками, все те же выходцы из Гватемалы дуют старую песенку на бамбуковых флейтах («Соловьем быть лучше, чем улиткой»). Но кое-что увидишь только в Риме и больше нигде. Например, продавец бутербродов, который при встрече зовет меня красоткой. «Горячий или холодный панини, *была?*» И обнимающиеся парочки на каждом углу – как будто у них конкурс «кто кого»: завязываются узлом на каждой скамейке, гладят друг друга по головам и причинным местам, целуются и милуются без конца.

А фонтаны... Плиний Старший писал: «Если задуматься о том, сколько воды поступает в публичное пользование в Риме – для бань, резервуаров, каналов, домов, садов и вилл, – и представить пройденное ею расстояние, обойденные плотины, проточенные насквозь горы, пересеченные долины, то нельзя не признать, что нет ничего более чудесного в мире».

Со времен Плиния прошли столетия, и сегодня у меня есть несколько претендентов на звание моего любимого римского фонтана. Один – на вилле Боргезе. В центре него резвится семейство из бронзы. Папа – фавн, мама – обычная женщина, а ребенок просто без ума от винограда. Родители стоят в странной позе – лицом друг к другу, ухватив друг друга за запястья и отклонившись назад. То ли они собираются начать ссору, то ли весело кружатся – трудно понять, но скульптура в самом деле как живая. Что бы там родители ни делали, их отпрыск восседает прямо между ними, на сплетенных руках, и, не обращая внимания на ссору или веселье, жует свой виноград, болтая раздвоенными копытцами (малыш явно пошел в папу).

Сейчас самое начало сентября две тысячи третьего года. Погода теплая и праздная. Я в Риме четвертый день, и нога моя до сих пор не переступила порога ни одного музея или церкви, я даже в путеводитель ни разу не заглянула. Все это время я подолгу и бесцельно гуляла по улицам, пока наконец не набрела на маленькое кафе, где, по словам добродушного водителя автобуса, продается лучшее в Риме *gelato* – то есть мороженое. Кафе называется *Il Gelato di San Crispino* – в переводе что-то вроде «мороженое от святого Хрустино». Для начала я попробовала медовое с лесными орехами. В тот же день зашла еще и выбрала грейпфрутово-дынное. А вечером, после ужина, специально вернулась, не поленившись пройти всю дорогу пешком, в последний разочек, за порцией коричнево-имбирного.

Каждый день я стараюсь прочитывать по одной статье из газеты, сколько бы времени это ни отнимало. Каждое третье слово приходится смотреть в словаре. Сегодня новости просто сенсационные. Трудно представить более драматичный заголовок, чем «*Obesità! I Bambini Italiani Sono I Più Grassi d'Europa!*». Боже правый! Ожирение! Похоже, в статье речь о том, что итальянские новорожденные – самые толстые в Европе. Продолжив читать, я выяснила, что итальянские карапузы значительно упитаннее немецких и в несколько раз толще французских. (К счастью, статья умалчивала о том, где в этой шкале находятся американские дети.) У детей постарше лишний вес также достиг опасной отметки. (Производители макарон утверждают, что они тут ни при чем.) Тревожная статистика детского ожирения в Италии обнародована вчера некой *una task force internazionale*⁷ (в переводе не нуждается). На расшифровку статьи целиком ушел почти час. Все это время я ела пиццу и слушала, как какой-то итальянский карапуз играет на аккордеоне в доме напротив. Мне он не показался слишком толстым, но, может, это потому, что он был цыганенком? С последней строчкой я, возможно, что-то напутала, но кажется, правительство решило, что единственный способ справиться с кризисом ожирения в Италии – ввести налог для граждан с лишним весом... Может ли такое быть на самом деле? Если я и дальше буду продолжать так питаться, через несколько месяцев придут и за мной.

⁷ Международная комиссия по исследованиям.

Очень важно читать газеты и для того, чтобы узнать, как поживает папа. В Риме о состоянии здоровья папы ежедневно сообщается в газетах, наряду с прогнозом погоды и расписанием телепрограмм. Сегодня папа устал. Хотя вчера был бодрее. И завтра, по прогнозам, он будет бодрее, чем сегодня.

Я чувствую, что попала в страну чудес для изучающих итальянский. Для человека, который всегда мечтал говорить на этом языке, ничего лучше, чем оказаться в Риме, и придумать нельзя. Как будто этот город создан специально для моих нужд. Здесь все говорит на этом волшебном языке – дети, таксисты, даже актеры в рекламных роликах. Все словно сговорилось, чтобы обучить меня итальянскому. Пока я здесь, даже газеты издаются на итальянском, и никто не против! В книжных лавках книги только на итальянском! Вчера зашла в такой магазин и словно очутилась в зачарованном замке. Здесь все было на итальянском, даже «Гринч – похититель Рождества». Я ходила вдоль полок и трогала корешки, надеясь, что те, кто видит меня сейчас, думают, что я говорю по-итальянски. Как мне хотелось, чтобы этот язык открыл мне свои тайны! Как будто мне снова было четыре года и читать я пока не умела, но умирала от желания скорее научиться. Помню, как мы с мамой сидели в приемной врача, и я держала журнал «Домашний очаг» прямо у лица, медленно переворачивая страницы и внимательно глядя на строчки – пусть взрослые в комнате думают, что я в самом деле читаю. Впервые с тех пор меня переполняло такое сильное желание *знать*. Я нашла книги американских поэтов с английским текстом на одной стороне страницы и итальянским – на другой, и купила томик Роберта Лоуэлла⁸ и Луизы Глюк⁹.

На каждом шагу я попадала на спонтанные уроки разговорной речи. Взять хотя бы сегодня – сидела на скамейке в парке, и тут подошла маленькая старушка в черном платье, примостилась рядом и начала что-то мне выговаривать. Я качала головой, молча и озадаченно, потом извинилась и очень вежливо сказала по-итальянски: «Простите, я не говорю по-итальянски». У старушки был такой вид, будто она хотела хлопнуть меня деревянной ложкой: «Вы же понимаете!» (Забавно, но она была права. Именно это предложение я поняла.) Теперь старушка захотела узнать, откуда я родом. Из Нью-Йорка, ответила я и в свою очередь спросила, откуда она. Глупый вопрос – из Рима, конечно! В ответ на это я захлопала в ладоши, как малый ребенок. Ах, Рим! Прекрасный Рим! Обожаю Рим! Какой красивый город! Старушка скептически выслушала мои примитивные излияния, а потом в лоб спросила, замужем ли я. Мой ответ был – разведена. Впервые я произнесла это вслух, и представьте, по-итальянски. Старушка, разумеется, спросила: «*Perché?*» Почему? На этот вопрос мне было трудно найти ответ – даже по-английски. Я замялась и наконец выдала: «*L'abbiamo rotto*» (Мы порвали).

Тут старушка кивнула, встала и зашагала к автобусной остановке через улицу. Села в автобус и даже ни разу не обернулась, чтобы взглянуть на меня. Рассердилась, что ли? Я отчего-то прождала ее на скамейке целых двадцать минут, вопреки здравому смыслу решив, что она вернется и продолжит наш разговор, – но этого так и не произошло. Ее звали Селеста, а итальянцы произносят это имя как Челеста – с отрывистым *ч*, как в слове *cello*.

В тот же день я забрела в библиотеку. Библиотеки – моя страсть. Римская библиотека оказалась старинной и красивой, в ней был даже садик, о существовании которого невозможно было догадаться, если смотреть на здание с улицы. Садик был сделан в форме идеального квадрата, усаженного апельсиновыми деревьями, с фонтаном в центре. Я сразу поняла, что этот фонтан станет главным претендентом на звание моего любимого: он не походил ни на один, что мне доводилось видеть. Во-первых, он был не из мрамора, маленький, зеленый, мшистый, древний фонтан, и напоминал косматый куст папоротника, из которого вытекают струйки. (Вообще-то, он был в точности как тот букет из листьев, что рос вместо головы у человечка,

⁸ Роберт Лоуэлл (1917–1977) считается одним из величайших американских поэтов XX века.

⁹ Луиза Глюк (род. 1943) – американская поэтесса.

нарисованного для меня стариком индонезийцем.) Вода поднималась из центра цветущего куста и стекала по листьям с чудесным меланхоличным звуком, разносившимся по всему дворику.

Я села под апельсиновым деревом и раскрыла книжку стихов, купленную вчера. Стихи Луизы Глюк. Сперва прочла стихотворение по-итальянски, потом по-английски, но, увидев вот эти строчки, замерла:

Dal centro della mia vita venne una grande fontana...
Из центра моей жизни забил большой фонтан...

Я положила книгу на колени, дрожа и чувствуя, как все плохое отступает.

13

Если честно, не такая уж из меня и великая путешественница.

Я, как никто другой, это понимаю: ведь поездить мне пришлось немало, и я видала людей, у которых это действительно получается. Они словно рождены для путешествий. Мне встречались люди, столь физически непробиваемые, что даже выпить литр воды из калькуттской канавы им было нипочем. Люди, подхватывающие слова незнакомого языка с той же скоростью, с какой иные из нас подхватывают лишь заразные болезни. Таким известно, как справиться с недобрым пограничником и равнодушным бюрократом из визового отдела. У них правильный рост и правильный цвет лица, и где бы они ни оказались, их принимают за своих – в Турции легко сойдут за турок, в Мексике вдруг превращаются в мексиканцев, в Испании их не отличишь от басков, а в Северной Африке и с арабами спутать недолго.

Но у меня нет ни одного из этих качеств. Во-первых, я не умею сливаться с толпой. Высокая блондинка с розовой кожей, я выделяюсь на общем фоне, как фламинго. Где бы я ни оказалась, за исключением, пожалуй, Дюссельдорфа, я как бельмо на глазу. В Китае матери подходили ко мне на улице и показывали детям, словно я зверь, сбежавший из зоопарка. Эти дети, в жизни не видевшие таких чудных великанов с розовыми лицами и соломенными волосами, нередко при виде меня закатывали истерику. Вот это в Китае мне понравилось меньше всего.

Я не очень сильна (прежде всего из-за лени) в предварительном сборе информации о стране, обычно придерживаясь правила «на месте как-нибудь разберемся». Такой подход к путешествиям обычно заканчивается тем, что я оказываюсь посреди железнодорожной платформы, не имея понятия, что мне делать и куда идти, или селюсь в дорожных отелях, потому что просто не в курсе, что на самом деле в этом городе есть куча мест подешевле. Я слабо ориентируюсь на месте, не сильна в географии и умудрилась за свою жизнь объехать шесть континентов – каждый раз с весьма туманным представлением о своем местонахождении. Вдобавок к дефективному внутреннему компасу природа наградила меня полным отсутствием такого нужного для путешественника качества, как умение хранить невозмутимость. Я так и не научилась делать незаметное выражение лица, которое может весьма пригодиться в разъездах по чужим небезопасным странам. Некоторые умеют выглядеть полностью расслабленными, будто у них все под контролем, и казаться частью происходящего, где бы они ни находились, даже в гуще уличных беспорядков в Джакарте. Но это не про меня. Когда я волнуюсь или нервничаю, то выгляжу взволнованной или нервной. И если заблудилась (такое бывает нередко), то по мне сразу видно: заблудилась. Мое лицо ясно передает все мысли. Дэвид как-то сказал: «Знаешь, игроки в покер обычно учатся делать непроницаемое лицо, а у тебя все наоборот. Ты как игрок в... в... мини-гольф».

Отдельная история – катастрофическое влияние путешествий на мой пищеварительный тракт. Не хотелось бы открывать эту, извините за выражение, банку с червями; скажу лишь, что ни один вид желудочных катаклизмов не обошел меня стороной. Однажды ночью в Ливане меня так раздуло, что я всерьез начала думать, не сразила ли меня ближневосточная разновидность лихорадки эбола. В Венгрии меня мучил другой кишечный недуг – с тех пор слова «эпоха застоя» имеют для меня совсем иное значение. Мое тело в целом неустойчиво к внешним воздействиям: например, в первый же день путешествия по Африке у меня начался радикулит, а в джунглях Венесуэлы меня одну из всей группы покусали ядовитые пауки. И пожалуй, никто, кроме меня, не смог бы – вы только задумайтесь – обгореть в *Стокгольме*!

Но, несмотря ни на что, путешествия остаются моей великой и настоящей любовью. Всю жизнь, с самой первой поездки в Россию в шестнадцать лет на сэкономленные деньги (сидела с соседскими детишками), я знала, что готова пожертвовать всем ради путешествий, что не пожалею на них никаких денег. Я хранила верность и постоянство этой любви, в отличие от

других моих увлечений. Я отношусь к путешествиям так же, как счастливая мать к ужасному, страдающему коликами, круглосуточно орущему младенцу – мне абсолютно все равно, какие меня ждут испытания. Потому что люблю. Потому что это – мое. Моя точная копия. Даже если нагадит прямо на меня – мне все равно.

Несмотря на всю мою невезучесть, я все же не совсем беспомощна в большом незнакомом мире. У меня есть собственная технология выживания. Я терпелива. Умею путешествовать налегке. Бесстрашно пробую все местные блюда. Но самый главный мой талант в том, что я могу подружиться с кем угодно. Хоть с выходцем с того света. Как-то завязала знакомство с военным преступником из Сербии, и он пригласил меня отдохнуть с его семьей в горах. Нет, я вовсе не горжусь дружбой с сербскими массовыми убийцами (мне пришлось подмазаться к нему ради статьи, ну и чтобы он меня не тронул). Но на примере ясно: общаться я умею. Если вокруг не окажется никого, с кем можно было бы поболтать, мне по силам разговорить и грудку щегля. Потому я и не боюсь путешествовать в самые далекие уголки планеты, где меня никто не ждет. Перед отъездом в Италию знакомые спрашивали: «А в Риме у тебя есть друзья?» Я качала головой и думала: пока нет, но будут.

Обычно в путешествии познакомишься случайно – с соседом по купе, по столику в кафе, бывает, что и по тюремной камере. Но целиком и полностью на случай полагаться нельзя. Если вы предпочитаете более систематичный подход, есть прекрасная и старая как мир система рекомендательных писем (в наше время, скорее, электронных писем), с помощью которых тебя официально знакомят со знакомыми твоих знакомых. Лучшего способа найти друзей и не придумаешь – особенно если не стесняешься звонить незнакомым людям и напрашиваться на ужин. Прежде чем уехать в Италию, я всех своих знакомых опросила, нет ли у них друзей в Риме. И стала счастливой обладательницей длинного списка контактов.

Среди всех претендентов на роль новых итальянских друзей меня особенно заинтриговал парень по имени... только, чур, не смеяться... Лука Спагетти. Лука Спагетти – сердечный приятель моего приятеля Патрика Макдевитта, с которым мы вместе учились в колледже. И клянусь Богом, это его настоящее имя – я его не придумала. Как можно придумать такую несуразицу? Нет, вы только задумайтесь – человеку приходится всю жизнь жить с именем *Патрик Макдевитт!*

Короче говоря, я решила связаться с Лукой Спагетти как можно скорее.

14

Но сперва нужно освоиться с учебой. Сегодня стартует мой курс в языковой академии Леонардо да Винчи. Мне предстоит изучать итальянский пять дней в неделю, четыре часа в день. И я просто в восторге. Я – настоящая ученица! Вчера вечером приготовила одежду, как в первый раз в первый класс: лаковые туфельки, новая коробочка для завтраков. Надеюсь, учительница меня полюбит.

В первый день в академии Леонардо да Винчи все проходят тест: нас должны распределить на нужный уровень по способностям. Узнав об этом, я стала надеяться, что меня не отправят на первый уровень, ведь это было бы так позорно, учитывая, что за спиной у меня целый семестр итальянского в нью-йоркской вечерней школе для разведенных, и все лето я заучивала карточки, да и живу в Риме уже целую неделю, тренируясь в языковой среде и даже обсуждая проблемы развода с итальянскими старушками. Вообще-то, я даже не в курсе, сколько здесь уровней, но стоит мне услышать слово *уровень*, как я решаю, что непременно должна попасть хотя бы на второй.

По крышам барабанит дождь. Я являюсь первой (как в школе – всегда была паинькой) и прохожу тест. Он такой трудный! Мне не под силу одолеть даже десятую часть. Я так хорошо знаю итальянский, выучила так много слов, но они не спрашивают ничего из того, что я знаю. Второй этап – устный экзамен: это еще хуже. Меня допрашивает худосочный итальяшка, который чересчур тараторит. Я могла бы отвечать гораздо лучше, но из-за нервов делаю ошибки даже в тех словах, которые учила (ну почему сказала *Vado a scuola* вместо *Sono andata a scuola*? Я же это знаю!).

Но все кончается хорошо. Учитель проверяет мой тест и называет уровень:

ВТОРОЙ!

Занятия начинаются после обеда. И я иду обедать (ем жареный эндивий), а потом возвращаюсь в академию и самодовольно дефилирую мимо студентов, попавших на начальный уровень (все они *molto stupido*, не иначе), на первый урок. Где все такие же умные, как я. Только вот вскоре становится ясно, что кое-кто вовсе не такой умный и мне здесь вообще нечего делать, так как второй уровень трудный невероятно. Я будто плыву, еле держась на поверхности, и с каждым вдохом наглатываюсь воды. Преподаватель, худосочный парень (почему все учителя такие тощие? Худые итальянцы кажутся мне подозрительными), слишком тараторит, пропускает целые главы в учебнике и все время повторяет: «Это вы уже знаете, это вы уже знаете...» Выстреливая фразы, как из пулемета, он ведет разговор с моими одноклассниками, которые, как оказывается, бегло владеют итальянским. Нутро сжимается от ужаса, я судорожно дышу и молю Бога, чтобы меня не вызвали. На перемене пулей выбегаю из класса, нетвердо держась на ногах, и чуть ли не в слезах плетусь к администратору. Там, четко выговаривая слова по-английски, прошу их перевести меня на первый уровень. Так они и делают. И вот теперь я здесь.

Наша учительница пухленькая и говорит медленно. Так-то лучше.

15

Интересные у меня подобрались одноклассники: никому из них итальянский, в сущности, не нужен. В группе нас двенадцать человек разных возрастов, со всех концов света, но все приехали в Рим по одной причине – учить итальянский, потому что так нам захотелось. Никто не смог назвать хотя бы одну практическую причину нашего пребывания здесь. Мы тут не по приказанию начальника: «Ты должен выучить итальянский, чтобы мы могли успешно вести дела за рубежом!» У всех, даже у чопорного инженера из Германии, одинаковый мотив – а я-то думала, что одна такая: мы хотим выучить итальянский просто потому, что этот язык нам нравится. Русская девушка с грустным лицом говорит, что уроки итальянского для нее – способ побаловать себя, потому что ей кажется, что она «заслуживает в жизни чего-то прекрасного». Инженер из Германии заявляет: «Хочу учить итальянский, потому что люблю *dolce vita* – сладкую жизнь». (Только он произносит это с немецким акцентом, и получается «дойче вита» – немецкая жизнь. Боюсь, такой жизни он хватил уже с лишком.)

Как мне предстоит узнать в следующие несколько месяцев, есть вполне оправданные причины, почему итальянский является самым красивым и эротичным языком в мире – и почему так кажется не только мне. Чтобы понять их, нужно сперва представить, что когда-то в Европе говорили на многочисленных диалектах латыни, которые по прошествии веков превратились в разные языки – французский, португальский, испанский и итальянский. Во Франции, Португалии и Испании этот процесс носил характер органичной эволюции: диалект столицы постепенно становился общепринятым для всего региона. Поэтому сегодняшний французский – не что иное, как разновидность средневекового парижского диалекта; на нынешнем португальском некогда говорили в Лисабоне; испанский же родом из Мадрида. Победа была за столицей – на языке крупнейшего города заговорила вся страна.

Но не Италия. Здесь было одно существенное отличие: Италия, по сути, и страной-то не была. Объединение Италии случилось очень поздно, в тысяча восемьсот шестьдесят первом году, а прежде это был полуостров воюющих между собой городов-государств, где правили гордые князья или правительства других европейских стран. Италия была частично собственностью Франции, частично – Испании, а частично – церкви; были и области, которые и вовсе принадлежали всем кому не лень – лишь бы силенок хватило оккупировать крепость или замок. Что до итальянцев, кому-то такая ситуация, безусловно, казалась унижительной, а кому-то было глубоко наплевать. Большинству, конечно, было не по душе присутствие европейских колонизаторов, но были и апатичные личности, заявлявшие: «*Franza o Spagna, purchese magna*» – что на диалекте означает: «Франция, Испания – какая разница, лишь бы желудок не пустовал».

Такая внутренняя разрозненность привела к тому, что Италия так никогда и не стала единым целым – и итальянский язык тоже. Неудивительно, что итальянцы веками писали и читали на местных диалектах, совершенно не понимая друг друга. Ученый из Флоренции едва ли смог бы вести беседу с сицилийским поэтом или венецианским купцом (только на латыни, а латынь национальным языком не считалась). В шестнадцатом веке группа итальянских ученых собралась и решила, что такая ситуация абсурдна. На итальянском полуострове должен быть итальянский язык, хотя бы письменный, одинаковый для всех. И вот эта группка интеллектуалов совершила беспрецедентный поступок в европейской истории: они просто выбрали самый красивый из местных диалектов и окрестили его новым итальянским языком.

А чтобы найти самый красивый диалект, когда-либо звучавший на территории Италии, ученым пришлось вернуться на двести лет назад, во Флоренцию образца четырнадцатого века. Собрание ученых умов решило, что итальянским следует сделать тот язык, на котором говорил великий флорентийский поэт Данте Алигьери. Автор «Божественной комедии», повествуя-

щей о путешествии через Ад, Чистилище и Рай, шокировал литературный мир, написав свое произведение не на латыни. Латынь виделась Данте гниющим языком элиты, а использование латыни в серьезной прозе, по его словам, «превратило литературу в продажную девку». Универсальное ремесло писателя становилось уделом богачей, обладающих привилегией аристократического образования. Данте же вышел на улицы, послушал живой флорентийский язык, бывший в ходу у городских жителей (среди них были столь блестящие его современники, как Боккаччо и Петрарка), и использовал этот язык в своей поэме.

Его шедевр был написан на просторечии, которое он окрестил «сладкоречивым новым стилем» (*dolce stil nuovo*), и непосредственно во время написания этот язык менялся – так же, как предстояло измениться английскому эпохи Елизаветы I под влиянием Шекспира. И группа ученых-националистов, которые намного позже взяли и постановили, что итальянский Данте станет официальным языком, в этом отношении очень напоминала собрание оксфордских шишек, в начале девятнадцатого века решивших, что отныне все в Англии будут говорить на языке Шекспира. И самое удивительное – их решение претворилось в жизнь.

Выходит, что современный итальянский – вовсе не диалект Рима или Венеции, хотя оба города были могущественными в военном и торговом отношении. Это даже не флорентийский диалект в чистом виде. Грубо говоря, это язык Данте. Ни одному европейскому языку не свойственна такая поэтичность. И ни один из них не может быть более идеальным средством выражения человеческих эмоций, чем флорентийский диалект четырнадцатого века, увековеченный одним из величайших поэтов западной цивилизации. «Божественная комедия» Данте написана терцинами – цепочкой рифм, повторяющихся трижды каждые пять строчек, из-за чего образное флорентийское просторечие сложилось в «каскадный ритм», как его называют ученые. Этот ритм до сих пор слышен в ступенчатых поэтичных каденциях, которыми в Италии изъясняются таксисты, мясники и чиновники даже сегодня. Последняя строка «Божественной комедии», в которой Данте предстает перед ликом самого Бога, отражает чувство, хорошо знакомое любому, кто имеет представление о так называемом современном итальянском языке. Данте пишет, что Бог – это не просто ослепительный образ яркого света, но прежде всего *l'amor che move il sole e l'altre stelle...*

Любовь, которая движет солнце и прочие звезды.

Ничего удивительного, что мне так хочется выучить именно этот язык.

16

Мои старые друзья Депрессия и Одиночество настигают меня примерно на десятый день жизни в Италии. Однажды вечером, после удачного дня в академии, я иду мимо виллы Боргезе. Закатное солнце золотит верхушки базилики Святого Петра. На фоне столь романтической картины я чувствую себя вполне умиротворенно, хоть и гуляю совсем одна – в то время как все остальные в парке или обнимаются с возлюбленными, или играют со смеющимися малышами. Я останавливаюсь у балюстрады, чтобы проводить закат, и слишком глубоко погружаюсь в мысли. Они переходят в тягостные размышления, и тут-то и появляются мои старые друзья.

Они подходят молча, угрожающе, как тайные агенты, и обступают меня с двух сторон – Депрессия слева, Одиночество справа. Им даже не надо показывать значки. Я и так хорошо знаю этих ребят. Долгие годы играла с ними в кошки-мышки. Хотя, признаюсь, для меня неожиданность встретить их в живописном саду в Италии, на закате. Им тут совсем не место.

Я спрашиваю:

– Как вы меня нашли? Кто вам сказал, что я в Риме?

Депрессия – она всегда любила сострить – отвечает:

– Неужели ты не рада нас видеть?

– Уходи, – говорю я ей.

Одиночество – в этой парочке оно играет роль участливого полицейского – отвечает:

– Простите за неудобство, мэм. Но, боюсь, мне придется сопровождать вас на всем протяжении путешествия. Это моя работа.

– Лучше не надо, – прошу я, но Одиночество лишь с сожалением поводит плечами и подступает ближе.

Меня обыскивают. Вытряхивают из карманов радость, которой они были набиты. Депрессия конфискует мою самооценку – она делает это каждый раз. Одиночество принимается за допрос, и это самое страшное – ведь он может продолжаться часами. Одиночество орудует вежливо, но безжалостно и в конце концов неизменно поддавливает меня. Оно спрашивает: есть ли у меня хоть одна причина чувствовать себя счастливой? Почему сегодня вечером я опять одна? Почему терплю неудачи в любви, почему угробила свой брак, наши отношения с Дэвидом и со всеми остальными, с кем когда-либо встречалась (мы уже тысячу раз проходили все эти вопросы)? Где я была в ночь своего тридцатилетия и почему именно с того дня все пошло наперекосяк? Почему не могу взять себя в руки и жить в красивом доме, воспитывая красивых детишек, как любая уважающая себя женщина моего возраста? Почему я вдруг решила, что заслужила эти римские каникулы, хотя ровным счетом ничего не добилась в жизни? С какой стати я думаю, что, сбежав в Италию, точно девчонка-несмышлениш, вдруг стану счастливой? Что ждет меня в старости, если я и дальше буду продолжать в том же духе?

По дороге домой я пытаюсь от них оторваться, но они следуют за мной по пятам, как пара наемных головорезов. Депрессия крепко держит за плечо, а Одиночество продолжает изнурительный допрос. Решаю не ужинать – не хочу, чтобы они на меня глазели. Впускать их на лестницу и уж тем более домой совсем не хочется, но у Депрессии при себе полицейская дубинка – раз решила войти, ее уже не остановить.

– Вы не должны были приезжать сюда, это несправедливо, – говорю я ей. – Я и так уже наказана. Отсидела срок в Нью-Йорке.

Но Депрессия всего лишь мрачно улыбается, садится в мое любимое кресло, кладет ноги на стол и закуривает сигару, наполняя всю комнату вонючим дымом. Глядя на нее, Одиночество вздыхает и ложится в мою постель, натягивая одеяло с головой – не раздеваясь, в ботинках. И я понимаю, что сегодня мне снова придется спать в его компании.

17

Несколько дней назад я прекратила принимать таблетки. Антидепрессанты в Италии – сама мысль казалась нелепой. Откуда здесь взялась депрессия?

Я вообще никогда не хотела их принимать. Долго противилась этому по личным причинам, которых набрался целый список (мы, американцы, и так принимаем слишком много лекарств; долговременное воздействие антидепрессантов на человеческий мозг неизвестно; даже дети в Штатах сидят на таблетках – это преступление; мы лечим симптомы, а не причины заболевания национального масштаба). И все же в последние несколько лет моей жизни никто не сомневался, что у меня серьезные проблемы и они никуда сами по себе не денутся. Когда развалился мой брак и началась катавасия с Дэвидом, меня настигли все симптомы глубокой депрессии – бессонница, потеря аппетита и либидо, беспричинные слезы, хроническая боль в спине и желудке, отчуждение и отчаяние, неспособность сосредоточиться на работе. Даже победа республиканцев на президентских выборах оставила меня равнодушной, и всему этому не было ни конца ни края.

Заблудившись в дебрях, иногда не сразу осознаешь, что потерялась. Можно очень долго убеждать себя, что всего лишь отошла на пару шагов в сторону от тропинки и в любой момент найдешь дорогу назад. Но день за днем тебя накрывает темнота, а ты по-прежнему не имеешь понятия, где находишься, и тогда самое время признать, что забрела так далеко, что не знаешь даже, в какой стороне встает солнце.

Я взялась за свою болезнь так, будто то было самое важное сражение в моей жизни – да, собственно говоря, так оно и было. Я стала изучать свое депрессивное состояние, пытаюсь распутать, с чего все началось. Где кроются корни моей депрессии? Может, она имеет психологические причины (и во всем виноваты родители)? Или это временно, как черная полоса в жизни? (И когда развод закончится, депрессии тоже конец.) А может, все дело в наследственности? (Меланхолия в паре со своим унылым другом Алкоголизмом вот уже несколько поколений живет в моей семье.) Или причина в культурных особенностях? (Карьеристка из Штатов эпохи постфеминизма пытается найти равновесие в урбанистической среде, где царят стрессы и человеческое разобщение.) А может, так звезды решили? (И я пребываю в унынии, как и подобает тонкокожему Раку, основные качества которого находятся под влиянием изменчивых Близнецов.) Или все дело в моей художественной натуре? (Творческие люди вечно мучаются депрессиями, потому что они гиперчувствительны и вообще не такие, как все.) Или во всем виновата эволюция? (Человечество тысячелетиями пыталось выжить в жестоком мире, оттого и подсознательная паника.) А может, карма всему причиной? (Жестокое уныние – всего лишь следствие плохого поведения в прошлых жизнях, последнее препятствие на пути к освобождению.) Была также вероятность, что причины гормональные. Или я неправильно питаюсь. Или у меня неверная жизненная философия. Или просто погода плохая. Или во всем виновато загрязнение окружающей среды. Или я нахожусь в вечном религиозном поиске. Или у меня химический дисбаланс в организме. Или, наконец, мне просто не хватает нормального здорового секса.

Какое множество факторов определяет жизнь одного-единственного человека! Как многослойно наше существование, и сколько всего на него влияет – разум, тело, история, семья, город, где мы живем, душевное состояние и даже пища. Я пришла к выводу, что мое состояние в той или иной степени вызвано всеми этими причинами, а также теми, о которых я даже не подозреваю или просто не могу описать. Поэтому и решила вести сражение по всем фронтам. Накупила книжек из серии «Помоги себе сам» с такими названиями, что стыдно произнести вслух (я прятала их за обложкой «Хастлера», чтобы незнакомые люди не догадались, что я на самом деле читаю). Обратилась к специалисту – проницательному и, что нема-

ловажно, участливому врачу. Молилась, как только что обращенная монашенка. Бросила есть мясо (правда, ненадолго) после того, как кто-то сказал, что я «питаюсь страхом животного в момент его смерти». Даже послушалась совета своей массажистки, увлекающейся восточными практиками и немного не от мира сего: она сказала, что для восстановления баланса сексуальных чакр нужно носить оранжевые трусы, – и представьте, я носила. Тем количеством зверобоевого чая, которое я потребила за это время, можно было бы вылечить от депрессии всех заключенных ГУЛАГа – а мне хоть бы хны. Я занималась спортом. Делала только то, что поднимает настроение, тщательно оберегая себя от грустных фильмов, книжек и песен (стоило кому-либо лишь упомянуть слова «Леонард» и «Коэн» в одном предложении – я тут же выходила из комнаты).

Я очень старалась избавиться от привычки постоянно плакать. Как-то вечером, в очередной раз свернувшись калачиком на диване в углу, в очередной истерике после очередного раунда унылых размышлений, я спросила себя: «Взгляни на себя, Лиз, можешь ли ты изменить хоть что-то?» И сделала единственное, на что была способна: встала и, не прекращая плакать, стала балансировать на одной ноге посреди комнаты. Мне хотелось доказать себе, что я все еще хоть немного контролирую ситуацию: пусть мне не под силу остановить слезы и мрачный внутренний диалог, я, по крайней мере, могу биться в истерике, стоя на одной ноге. Хоть что-то для начала.

Я переходила улицу, чтобы идти по солнечной стороне. Находила утешение в кругу семьи и близких, общаясь с родными, которые меня воодушевляли, а из друзей – лишь с неисправимыми оптимистами. Женские журналы услужливо сообщали, что с такой низкой самооценкой, как у меня, с депрессией не справиться, – и я сделала красивую стрижку, купила дорогую косметiku и красивое платье. Правда, когда подруга похвалила мой новый образ, я смогла лишь мрачно пробурчать: «Операция “Поверь в себя” – день первый».

Таблетки были последним средством, к которому я обратилась после двух лет борьбы с хронической депрессией. Я твердо убеждена, что его стоит использовать лишь тогда, когда больше ничего не помогает. В моем случае перелом настал, когда я всю ночь просидела в спальне, пытаясь отговорить себя от намерения проткнуть руку кухонным ножом. Тогда здравый смысл одержал верх, но с небольшим перевесом. В тот период мне в голову лезли всякие приятные мысли – например, прыжок с крыши или выстрел в висок легко избавят меня от страданий. Но лишь когда я всю ночь просидела с ножом в руке, что-то во мне переломилось.

Наутро, как только взошло солнце, я позвонила Сьюзан и стала просить о помощи. Не думаю, что хоть одна женщина за долгие века существования моей семьи когда-либо делала такое: на середине пути, в середине своей жизни, садилась посреди дороги и заявляла: «Все, дальше не пойду – мне нужна помощь». Мои предки ни за что бы не остановились. Им никто бы не помог – это было невозможно. Они бы просто умерли с голоду вместе со своими семьями. Я думала об этом не переставая.

Никогда не забуду лицо Сьюзан, когда она ворвалась в комнату через час после моего звонка и увидела меня, развалину, скорчившуюся на диване. Это одно из самых тяжелых воспоминаний тех страшных лет – моя боль, которая как в зеркале отразилась на ее лице, выразившем настоящий страх за мою жизнь. Я так и лежала, свернувшись калачиком, а Сьюзан обзвонила всех и наконец нашла психотерапевта, который согласился принять меня в тот же день и выписать антидепрессанты. Во время ее разговора с доктором я могла слышать только ее реплики, и она сказала: «Я очень боюсь, что моя подруга может навредить себе». Я тоже этого боялась.

Когда в тот день я пришла на прием, доктор спросил, почему я так долго не обращалась за помощью. Можно подумать, все это время я не пыталась помочь себе сама. Я объяснила, почему не хочу и не считаю нужным принимать антидепрессанты, положила на стол три своих опубликованных книги и сказала: «Я – писательница. Пожалуйста, не прописывайте ничего,

что разрушит мой мозг!» Доктор ответил: «Будь у вас почечная недостаточность – вы недолго думали бы, прежде чем принять таблетку, так почему сейчас сомневаетесь?» Этот вопрос лишь показывает, как плохо он знал мою семейку. Ведь Гилберты вполне могут отказаться от таблеток и при почечной недостаточности; любая болезнь для нас – свидетельство личных, этических или моральных проблем.

Мне прописали коктейль из лекарств: занакс, золофт, веллбутрин, бусперин. Постепенно мы выяснили, какое именно сочетание таблеток не провоцирует тошноту и не заглушает либидо намертво. Очень быстро, меньше чем через неделю, я почувствовала, как в мои мысли проник первый солнечный лучик. Кроме того, я наконец смогла нормально поспать. Это было настоящим подарком, ведь без сна из трясины не выбраться – шансов ноль. Так ко мне вернулись часы благотворного сна, перестали трястись руки, а обруч, тисками сжимавший грудь, и панический страх в сердце попросту исчезли.

И хотя таблетки помогли сразу, меня по-прежнему тревожило, что я их принимаю. Меня не волновало, кто сказал, что антидепрессанты – лучший и совершенно безопасный выход; я все равно испытывала по этому поводу противоречивые чувства. Эти таблетки были мостиком, который должен был привести меня к выздоровлению – в этом я не сомневалась, – но все же мне хотелось как можно скорее прекратить их принимать. Я начала пить лекарства в январе две тысячи третьего года. И к маю уже существенно снизила дозировку. Эти месяцы были самыми тяжелыми – последние месяцы бракоразводного процесса и нелегкой жизни с Дэвидом. Смогла бы я выдержать все это без таблеток, ведь стоило выждать лишь чуть-чуть? Смогла бы выжить в одиночку, без посторонней помощи? Не знаю. Такова уж человеческая жизнь: в ней не может быть статистики, нельзя узнать, что бы вышло при замене одной из переменных.

Я понимаю, что таблетки облегчили мои мучения. И благодарна им за это. Но все же пилюли, влияющие на эмоциональное состояние, вызывают у меня очень двойственные чувства. Меня восхищает их сила, но тревожит их повсеместность. Мне кажется, следует выдавать эти лекарства по рецепту и использовать гораздо менее свободно, чем сейчас в Америке, обязательно в комплексе с сеансами психотерапии. Устранить симптом болезни, не обращаясь к ее истинным причинам, – классический пример легкомысленной западной философии: нам кажется, что кто угодно может выздороветь быстро и сразу. Может, антидепрессанты и спасли мне жизнь, но их эффект проявился лишь в сочетании с примерно двадцатью другими методами лечения, которые я использовала одновременно, чтобы спасти себя, – и надеюсь, мне больше никогда не придется принимать эти лекарства. Хотя врач и заявил, что следует применять их курсами в течение всей жизни, так как у меня есть «склонность к меланхолии». Очень надеюсь, что это не так, и намерена приложить все усилия, чтобы доказать его неправоту – или хотя бы бороться со своей склонностью всеми средствами. Говорит ли это о моей целеустремленности или об ослином упрямстве – трудно сказать.

Такая уж я.

18

Да уж, я такая. Приехала в Рим – и сразу начались проблемы. Громилы Депрессия и Одиночество снова вломились в мою жизнь, а последняя упаковка веллбутрина кончилась три дня назад. Есть, правда, еще таблетки в нижнем ящике комода, но я их трогать не хочу. Хочу освободиться от них навсегда. Но вместе с тем нужно прогнать Депрессию и Одиночество. Как разрешить эту дилемму – непонятно, поэтому я начинаю метаться в панике. Так происходит всегда, когда мне непонятно, что делать. И вот сегодня вечером я достаю свою самую заветную тетрадку, которую храню рядом с кроватью на экстренный случай. Я открываю ее, отыскиваю чистую страницу и пишу:

Мне нужна твоя помощь.

А потом жду. Через некоторое время приходит ответ, написанный моим почерком:

Я здесь. Чем тебе помочь?

Так начинается наш крайне странный и сверхсекретный разговор. Здесь, на страницах тетрадки, я говорю сама с собой. Мне отвечает тот голос, что я слышала в ту ночь, сидя на полу в ванной, когда впервые обратилась к Богу со слезами и услышала, как кто-то (или что-то) велело мне идти спать. В последующие годы этот голос возвращался ко мне во времена самого черного отчаяния, и я обнаружила, что до него легче всего достучаться в письменной форме. К моему удивлению, доступ к моему собеседнику был открыт почти всегда, даже в самые безрадостные минуты. Даже когда боль становилась невыносимой, спокойный, участливый, добросердечный и бесконечно мудрый голос (может, это был мой внутренний голос, а может, и нет) неизменно отвечал мне на бумаге в любое время дня и ночи.

Я решила не терзаться и не беспокоиться, что у меня не все в порядке с головой – раз я сама с собой переписываюсь. Ведь этот голос может быть гласом Божиим или голосом моей гуру, которая говорит через меня. Не исключено, что это ангел-хранитель, назначенный следить за мной, или высший разум моего существа, или подсознание, созданное мной в целях защиты от самоистязаний. Святая Тереза называла такие сверхъестественные внутренние голоса *локуциями* – слова необъяснимого происхождения спонтанно возникают в мозгу, переводятся на родной язык и становятся духовным утешением. Мне прекрасно известно, что Фрейд сказал бы о такого рода сверхъестественных помощниках: что они иррациональны и «не заслуживают доверия. Опыт учит нас, что жизнь – это не детский сад». Согласна, жизнь не детский сад. Но именно потому, что в мире столько трудностей, иногда просто необходимо искать помощь за его пределами, взывая к высшей силе, чтобы найти успокоение.

В начале своего духовного эксперимента я не очень-то верила в мудрость внутреннего голоса. Помню, как-то раз, в припадке горькой злости и горя, я схватила тетрадку и нацарапала послание внутреннему голосу, источнику высшего душевного покоя. Оно заняло всю страницу заглавными буквами:

Я В ТЕБЯ НЕ ВЕРЮ!!!!!!!!!!

Через секунду – не успела я отдышаться – во мне словно вспыхнул огонек, и я сама написала ответ, спокойно и словно потешаясь над собой:

Тогда с кем ты сейчас разговариваешь?

С тех пор я перестала сомневаться, существует ли мой собеседник на самом деле. И вот сегодня пришло время опять просить его о помощи. Со дня приезда в Италию я ни разу не вступала с ним в контакт. И вот сегодня пишу в дневнике, что чувствую неуверенность и страх. Объясняю, что Депрессия и Одиночество снова настигли меня и, боюсь, останутся со мной навсегда. Не хочу принимать таблетки, но, похоже, придется. Но больше всего меня пугает, что я так никогда и не смогу привести в порядок свою жизнь.

И вот где-то внутри зарождается уже знакомое мне спокойствие духа, предлагая ответы, которые мне всегда хотелось получить от друга в беде. Вот что я пишу:

Я здесь. Я люблю тебя. Мне все равно, даже если ты проплачешь всю ночь, – я буду рядом. Если тебе придется снова начать принимать лекарства, не бойся, я не перестану тебя любить. И если ты сможешь этого избежать, я тоже буду тебя любить. Что бы ты ни делала, мое отношение к тебе не изменится. Я буду оберегать тебя до самой смерти, и даже после смерти ты не потеряешь мою защиту. Я сильнее Депрессии, отважнее Одиночества, и ничто не способно отнять у меня силы.

Это странное внутреннее проявление участия – словно я протягиваю руку самой себе, когда рядом больше нет никого, кто бы мог меня утешить, – напомнил мне один случай, приключившийся в Нью-Йорке. Я тогда очень спешила, зашла в офисное здание и побежала к лифту, но на бегу вдруг увидела свое отражение в зеркале будки охранника. И мой мозг очень странно отреагировал – на долю секунды в нем вдруг промелькнула мысль: «Эй! Ты ее знаешь! Это же твоя подруга!» И я с улыбкой побежала навстречу своему отражению, готовясь поздороваться с той девчонкой, чье имя запомнила, но чье лицо было таким знакомым. Разумеется, через мгновение я осознала свою ошибку и смущенно рассмеялась: надо же, прямо как собака, которая не понимает, что такое зеркало! Но отчего-то тот случай вспомнился мне именно сегодня, в Риме, в минуту уныния. И вот внизу страницы я пишу обнадеживающие строки:

Не забывай о том, что однажды ты случайно приняла себя за свою подругу.

Я засыпаю, прижав тетрадку к груди и впуская в себя новую надежду. Проснувшись утром, чувствую слабый запах дыма, оставленный Депрессией, но самой ее нигде не видно. В какую-то минуту посреди ночи она встала и ушла. Прихватив с собой своего напарника Одиночество.

19

Вот что странно. Со дня приезда в Рим я никак не могу заставить себя заняться йогой. Долгие годы я занималась серьезно и регулярно и из лучших побуждений даже взяла с собой резиновый коврик. Но в Риме йога как-то не идет. Посудите сами – когда здесь делать асаны? До того, как позавтракаешь гремучей смесью из булочек с шоколадом и двойного капучино, или после? Первые несколько дней я прилежно расстилала коврик каждое утро, смотрела на него, и мне становилось смешно. Как-то раз даже обратилась к себе вслух от лица этого самого коврика: «Привет, мисс *пенне аи кваттро формаджи*¹⁰. Что у нас сегодня на завтрак?» После чего в смятении запихнула этот кусок резины на дно чемодана (где он с успехом пролежал до самой Индии), пошла на улицу и съела порцию фисташкового *gelato*. Итальянцы считают, что нет ничего предосудительного в том, чтобы есть мороженое в полдесятого утра, и, если честно, я их полностью поддерживаю.

Йога никак не вписывается в римский образ жизни, – по крайней мере, мне никак не удастся объединить это. Я даже решила, что у Рима и йоги нет вообще ничего общего. Ну разве что тот факт, что римляне носили тоги, а слово «тога» рифмуется с «йога».

---

¹⁰ Макароны с соусом «четыре сыра».

20

Мне срочно нужно было с кем-то познакомиться. Я взялась за дело и к октябрю нашла кучу друзей. Теперь я знаю двух Элизабет, которые, как и я, тоже живут в Риме. Обе из Штатов и обе писательницы. Первая пишет романы, а вторая пишет о еде. У второй Элизабет квартира в Риме, домик в Умбрии, муж-итальянец и работа, подразумевающая путешествия по Италии с дегустацией местной кухни и описание своих впечатлений в журнале «Гурман». Сдается мне, в прошлой жизни эта Элизабет только и делала, что спасала утопающих сироток. Неудивительно, что она в курсе всех лучших римских ресторанов и кафе – это она отвела меня в *gelateria*¹¹, где готовят замороженный рисовый пудинг (если в раю им не кормят, не хочу попадать в рай). На днях Элизабет пригласила меня на обед. Помимо барашка с трюфелями и карпаччо в муссе из лесных орехов нам подали по крошечной порции экзотических маринованных *lampascione*, которые, как известно, являются не чем иным, как луковицами дикорастущего гиацинта.

Нельзя забывать и о моих друзьях Джованни и Дарио, красавчиках близнецах, с которыми мы тренируем разговорную речь. Джованни такой милый, что его впору объявить итальянским национальным достоянием. Он очаровал меня в первый же вечер нашей встречи. Я расстроилась из-за того, что не могу вспомнить нужные слова по-итальянски, а он положил мне руку на плечо и сказал: «Лиз, надо быть терпеливой к себе, когда учишься чему-то новому». Иногда мне кажется, что Джованни старше меня, – у него такое серьезное выражение лица, он окончил философский факультет и разбирается в политике. Мне нравится его смешить, правда, не все мои шутки до него доходят. Шутки на чужом языке сложны для понимания, особенно если вы такой серьезный молодой человек, как Джованни. Недавно он признался: «Когда ты шутишь, я не поспеваю за смыслом. Я вечно на шаг позади, как будто ты – молния, а я – гром».

О да! Ты – магнит, а я – сталь! Ты – грубая кожа, я – нежное кружево...

Правда, Джованни так меня и не поцеловал.

Второго близнеца, Дарио, я вижу редко, хотя он проводит много времени с Софи. Софи – моя лучшая подруга из академии, и я не удивляюсь, что Дарио хочется все время быть с ней, – любому на его месте хотелось бы того же. Софи из Швеции, ей еще нет тридцати, и она такая хорошенькая, что впору насадить ее на крючок и использовать как приманку для парней всех национальностей и возрастов. Софи взяла четырехмесячный отпуск, к ужасу родных и изумлению коллег оставив хорошую работу в шведском банке, – и все лишь потому, что мечтала отправиться в Рим и выучить чудесный итальянский язык. Каждый день после занятий мы с Софи садимся на берегу Тибра с мороженым и делаем уроки. Хотя на самом деле то, чем мы занимаемся, трудно назвать уроками. Скорее, мы совершаем ритуал совместного поклонения итальянской речи – почти священнодействие – и делимся новыми познаниями. Скажем, на днях мы узнали, что *un'amica stretta* означает «близкий друг». Но дословно *stretta* значит «обтягивающий» – как обтягивающая одежда. Выходит, в итальянском близкий друг – это тот человек, который совсем рядом, как одежда, плотно прилегающая к коже. Именно таким другом стала мне малышка Софи.

Сначала мне нравилось думать, что мы с Софи как сестры. Но однажды мы ехали на такси, и водитель спросил: это ваша дочка? Ну знаете ли – ведь она всего на семь лет моложе! Мой мозг тут же перешел в режим перегрузки, пытаюсь перевернуть смысл его слов. (К примеру, я подумала: может, римский таксист не очень хорошо говорит по-итальянски и на самом деле хотел спросить, не сестры ли мы?) Но, конечно, это было не так. Он сказал «дочка», имея в виду именно дочку. Ну что тут скажешь? За последние годы в моей жизни было всякое. Наверное, после развода я и впрямь выгляжу изможденной старухой. Но как поется в старой

¹¹ Кафе-мороженое.

техасской кантри-песенке, «весь наколками покрыт, по судам затаскан и избит, но пока еще живой, вот стою перед тобой».

Благодаря своей подруге Анне, художнице из Америки, которая жила в Риме несколько лет назад, я подружилась с семейной парой – Марией, американкой, и Джулио, родом из Южной Италии. Он кинорежиссер, она работает в международной сельскохозяйственной компании. Джулио не слишком хорошо говорит по-английски, зато Мария тараторит по-итальянски будь здоров (а еще по-китайски и по-французски, и при этом ни капли ни задается). Джулио хочет выучить английский – он даже спросил, нельзя ли нам с ним организовать еще один тандем и практиковаться в разговорной речи. Возможно, вы недоумеваете: почему его жена-американка не может научить его родному языку? Потому что они муж и жена, и, когда один пытается учить другого, дело заканчивается ссорой. Поэтому мы с Джулио теперь обедаем вместе два раза в неделю и одновременно занимаемся, он – английским, я – итальянским: отличная договоренность для двух людей, не связанных семейными узами и потому неспособных вызвать друг у друга раздражение.

У Джулио и Марии прекрасная квартира. На мой взгляд, самым впечатляющим элементом дизайна в ней является стена, которую Мария как-то исписала гневными проклятиями в адрес Джулио (при помощи толстого черного маркера). Они поссорились, а поскольку «он кричит громче меня», ей захотелось донести смысл своих возражений другим способом.

Мария невероятно сексуальна, и необузданные граффити на стене это лишь подтверждают. Хотя Джулио говорит, что исписанная стена, напротив, говорит о ее сдержанности, ведь ругательства на ней по-итальянски, а итальянский для Марии – чужой язык, и она должна подумать, прежде чем подобрать правильные слова. Если бы Мария действительно пришла в ярость, говорит Джулио, то исписала бы стену по-английски, но, будучи насквозь правильной англопротестанткой, она никогда по-настоящему не выходит из себя. Все американцы такие, говорит он: они подавляют свои чувства. Поэтому представляют серьезную, порой смертельную опасность, стоит им «перекипеть через край».

– Дикие люди, – подытоживает Джулио.

Больше всего мне нравится, что этот разговор происходит в приятной и спокойной обстановке, за ужином, с видом на ту самую стену.

– Еще вина, дорогой? – предлагает Мария.

Но моим самым лучшим новым другом, бесспорно, стал Лука Спагетти. Кстати, даже в Италии над фамилией Спагетти все смеются. Благодаря Луке я наконец смогла сравнить счета со своим приятелем Брайном, который вырос по соседству с индейским мальчиком по имени Деннис Ха-Ха и всегда хвастался, что ни у кого больше нет друзей с таким смешным именем. Наконец-то и мне есть чем похвалиться!

Помимо всего прочего, Лука превосходно говорит по-английски и любит вкусно поесть (в Италии таких называют *una buona forchetta* – «хорошая вилка»), а для вечно голодающих вроде меня такой друг – настоящая находка. Часто он звонит мне посреди дня и говорит: «Я тут мимо проходил – давай выпьем кофейку! Или хотя бы съедем тарелочку супа из бычьих хвостов». Мы вечно околачиваемся в грязных тесных забегаловках на римских задворках. Больше всего нам нравятся рестораны с флюоресцентными лампочками и без вывесок. С красными клетчатыми клеенками вместо скатертей. В таких подают домашнюю лимончеллу и громадные порции пасты, а здешних официантов Лука зовет «кандидатами в Юлии Цезари»: эти парни ходят с нахальным, самодовольным видом, у них волосатые руки и ревностно уложенный чуб. Я как-то сказала, что они, похоже, в первую очередь считают себя римлянами, во вторую – итальянцами и уж в третью – европейцами. На что Лука ответил: «Нет, они римляне и в первую, и во вторую, и в третью очередь. Причем каждый – римский император».

Лука – аудитор. Быть аудитором в Италии, по его собственному определению, искусство, так как здесь несколько сотен налоговых законов, и все они противоречат друг другу. Подача

налоговой декларации в Италии сравнима с джазовой импровизацией. Когда я думаю о том, кем работает Лука, становится смешно: парень – оторви и брось, а занимается таким серьезным делом. Лука тоже смеется над моей второй ипостасью – йоговской, которой он никогда не видел. Он не может понять, зачем мне ехать в Индию, тем более в какой-то ашрам, если я могла бы весь год прожить в Италии, где, по его мнению, мне самое место. Когда Лука видит, как я куском хлеба собираю соус с тарелки и облизываю пальцы, он говорит: «Ну что ты будешь кушать в своей Индии?» Иногда он зовет меня Ганди – в шутку, обычно когда я откупориваю вторую бутылку вина.

Лука немало поездил по свету, хотя утверждает, что жить можно только в Риме – рядом с мамой. Таковы итальянские мужчины – что с них взять? Но в Риме Луку держит не только *татта*. Хотя ему уже за тридцать, он встречается с той же девушкой, что и в школе (милашка Джулиана, которую Лука как нельзя точно характеризует ласковым оборотом *acqua y sap-one* – «вода и мыло», то есть очаровательная невинность). Все его друзья остались с детства, все до сих пор живут в том же районе. По воскресеньям собираются и смотрят футбольные матчи – на стадионе или в баре (но только если играют римские команды), а потом каждый возвращается в тот дом, где вырос, чтобы съесть большой воскресный обед, приготовленный матушками и бабушками.

Будь я на месте Луки Спагетти, тоже бы никуда из Рима не уехала.

Лука был в Штатах несколько раз, и ему там понравилось. По его словам, в Нью-Йорке здорово, только ньюйоркцы слишком много работают, хотя, похоже, им это по душе. Вот римляне тоже работают много, но это им совсем не по вкусу. Что Луке не понравилось, так это американская кухня, которую он описывает двумя словами: «самолетная еда».

Это с Лукой я впервые попробовала кишки новорожденного барашка. Римская кулинарная классика. В гастрономическом отношении Рим – местечко не для слабонервных; среди традиционных блюд такие деликатесы, как внутренности и язык, – те части животных, которые богачи с севера Италии обычно выкидывают. Бараньи кишки, что мы ели, на вкус были ничего, главное – не думать о том, из чего это блюдо. Их подали в жирном сочном сливочном соусе, который сам по себе был просто объедение, но вот эти кишки... одним словом, кишки и есть. Похоже на печенку, только нечто более кашеобразное. Все шло нормально, пока я не задумалась, как описать блюдо в книге, и мне на ум не пришло сравнение с тарелкой ленточных червей. Я резко отодвинула блюдо и заказала салат.

– Не понравилось? – спросил Лука, уплетающий деликатес за обе щеки.

– Спорим, Ганди в жизни не пробовал бараньи кишки? – спросила я.

– Может, и пробовал.

– Не может быть, Лука. Ганди был вегетарианцем.

– Чем не вегетарианская еда? – возразил Лука. – Кишки – не мясо, Лиз. Это просто дерьмо!

21

Иногда я думаю – зачем я здесь?

Я приехала в Италию, чтобы научиться жить в свое удовольствие, но в первые недели чувствовала больше панику – как это делается? В моих генах нет и намека на гедонизм. В роду одни лишь работяги. По маминей линии – шведские эмигранты, которые на всех фотографиях выглядят так, будто доведись им увидеть что приятное – не поколебались бы раздавить это своими грубыми башмаками. (Дядя называет этих родственничков «стадом».) По папиной – пуритане из Англии, как известно, большие любители повеселиться. Если проследить папино генеалогическое древо до семнадцатого века, там найдутся родственнички с именами типа Дилидженс и Микнесс¹².

У родителей была маленькая ферма, и мы с сестрой с самого детства были при деле. Нас учили быть надежными и ответственными, лучшими ученицами в классе, самыми организованными и работающими среди девочек, сидевших с чужими детьми, – словом, миниатюрными копиями отца, трудяги фермера, и мамы, медсестры, человеческим аналогом швейцарского армейского ножа, мастерицами на все руки с самого рождения. Нет, в нашем доме тоже знали, что такое радость и смех, но все стены были увешаны списками дел, и никогда в жизни я не видела, чтобы кто-то сидел без занятия, да и сама постоянно была занята.

Рассуждая в более широком смысле, американцы вообще не умеют расслабляться просто ради удовольствия. Да, мы жаждем развлечений, но не удовольствия в чистом виде. Тратим миллиарды долларов, чтобы придумать себе занятие, – будь то порнография, парки аттракционов или война, но все это не имеет ничего общего с тем, чтобы просто спокойно наслаждаться жизнью. Американцы работают усерднее, больше и напряженнее любой другой нации на планете. Но, как заметил Лука Спагетти, им это, похоже, по вкусу. Его наблюдение подтверждает тревожная статистика, согласно которой многие американцы именно на работе, а не дома чувствуют себя счастливее и живут более полноценной жизнью. Разумеется, после неизбежно тяжелой трудовой недели мы «перегораем» и потому вынуждены проводить все выходные в пижаме, поедая хлопья прямо из коробки и пялясь в телик в легком коматозе (состояние, противоположное работе, но никак не синонимичное приятному отдыху). Американцы не умеют бездельничать. Оттого и известный и печальный стереотип – замученный стрессами американский начальник, который даже в отпуске не может расслабиться.

Я как-то спросила Луку, не возникают ли такие проблемы и у итальянцев в отпуске. В ответ он так смеялся, что чуть не въехал на мотороллере в фонтан.

– Ну уж нет! – воскликнул он. – Мы – настоящие спецы во всем, что касается *bel far niente*.

Замечательное выражение *bel far niente* означает «радость ничегонеделания». Заметьте, итальянцы всегда вкалывали по полной – особенно это касается многострадальных трудяг *braccianti* (названных так потому, что лишь грубая сила рук – *braccie* – помогала им выжить в этом мире). Но, несмотря на тяжелые трудовые будни, их идеалом всегда оставалось благословенная *bel far niente*. Радость ничегонеделания была целью всей работы, финальным достижением, за которое ждет самая высокая награда. Считается, что чем более изощренно и самозабвенно человек предается безделью, тем большего он добился в жизни. И для этого не надо быть богатым. У итальянцев есть еще одно чудное выражение: *l'arte d'arrangiarsi* – умение из ничего сделать конфетку. Это искусство приготовить пир из нехитрой снеди, созвать пару друзей и устроить грандиозный праздник. На это способен не только богач, но любой, у кого есть талант быть счастливым.

¹² Усердие и смирение (англ.).

Что касается меня, основным препятствием на пути к удовольствию было чувство пуританской вины, впитанное с молоком матери. Заслужила ли я такой радости? Это чисто американское свойство – все время сомневаться, заслужили ли мы счастья. Вся американская реклама построена на необходимости убедить сомневающегося потребителя, что он действительно достоин особой награды. Это пиво – ваша награда! Вы имеете право на отдых! Ведь вы этого достойны! Делу время – потехе час! И сомневающийся потребитель думает: да, спасибо! Сейчас же пойду и куплю шесть банок пива, была не была! Нет, не шесть, а двенадцать! И напивается. А потом его мучает совесть. В Италии такие рекламные слоганы не пройдут, так как здесь люди и без того знают, что у них есть право на удовольствие. Попробуйте сказать итальянцу: «У тебя есть право на отдых!» – и он ответит: «А то. Именно поэтому я наметил сделать перерыв в двенадцать, пойти к тебе домой и переспать с твоей женой».

Вот почему, узнав, что я приехала в Италию, чтобы четыре месяца жить в свое удовольствие, ни один из моих друзей-итальянцев и не подумал ставить мне это в укор. Напротив, они наперебой принялись меня хвалить: *Complimenti! Vai avanti!* Ради бога! Расслабляйся! Чувствуй себя как дома. Никто ни разу не произнес: «Какая безответственность!» или «Какое эгоистичное расточительство!». Но, несмотря на то что местные полностью одобряют мое намерение наслаждаться жизнью, я почему-то не могу расслабиться. Первые недели у меня чесались руки, не зная, чем себя занять. Получение удовольствия было для меня чем-то вроде домашнего задания, крупного научного проекта. В голову лезли вопросы типа: как максимизировать уровень удовольствия наиболее эффективно? Не провести ли мне весь свой отпуск в библиотеке, штудировав книги по истории удовольствия? А может, расспросить знакомых итальянцев, которые видели в жизни много приятного, о том, на что похоже удовольствие, а потом написать об этом отчет? (С двойными пропусками между строк и двухсантиметровыми полями. Сдать не позже понедельника.)

Все изменилось, как только до меня дошло, что единственная проблема – понять, что доставляет удовольствие *мне*, и свободно двигаться в этом направлении, тем более что в этой стране мне никто не мешает. Тогда все вдруг стало... приятным. От меня требовалось лишь каждый день задавать себе вопрос: «Лиз, чем бы ты хотела заняться сегодня? Что может порадовать тебя прямо сейчас?» Никогда прежде я не спрашивала себя об этом. Но теперь, когда не нужно было ни под кого подстраиваться, когда у меня не было никаких обязательств, я наконец смогла дать совершенно ясный и честный ответ на этот вопрос.

Осознав свое полное право наслаждаться жизнью, я с интересом узнала, что есть то, чего мне делать совсем не хочется. В Италии так много всего приятного, что мне просто не хватило бы времени попробовать все. Тут нужно определиться, какое именно удовольствие самое-самое приятное, – иначе можно сойти с ума. Задумавшись об этом, я решила, что вполне обойдусь без бутиков, оперы, кино, шикарных авто и альпийских горнолыжных курортов. Меня также не слишком интересовало искусство. Немного стыдно признаваться, но за четыре месяца в Италии я не была в музее ни разу. (Даже хуже. Один раз я все-таки ходила в музей, но это был Национальный музей пасты в Риме.) Я поняла, что единственное, чего мне на самом деле хочется, – набивать желудок вкусной едой и как можно больше говорить на чудесном итальянском. И все. Эти два удовольствия и стали моим приоритетом – итальянский и еда (в первую очередь мороженое).

Невозможно описать то наслаждение, которое мне принесли две эти простые вещи. Помню несколько часов в середине октября – постороннему наблюдателю они показались бы совершенно обычными, но для меня навсегда останутся счастливейшими в жизни. Рядом с домом, всего через несколько улиц, я нашла рыночек, который раньше почему-то не замечала. Там была крошечная овощная лавочка – местная женщина с сыном продавала свой товар. Темные, почти цвета водорослей, листья шпината; томаты, красные, словно налитые кровью,

похожие на коровьи внутренности; виноград, золотистый, как шампанское, туго затянутый в шкурку, словно гимнастка в трико.

Я взяла пучок тонких ярко-зеленых стебельков спаржи. И даже смогла уверенно спросить женщину по-итальянски, нельзя ли взять половину. Мне одной столько не съесть, объяснила я. Зеленщица тут же выхватила у меня пучок и разделила надвое. Я спросила, всегда ли они стоят здесь, и она ответила: каждый день в том же месте с семи утра. А ее сын, настоящий красавчик, хитро взглянул на меня и добавил: «К семи – это если она не проспит...» Мы дружно рассмеялись. Весь разговор шел на итальянском – а ведь всего пару месяцев назад я ни слова по-итальянски не знала!

Я пошла домой и сварила на обед два свежих коричневых яйца всмятку. Очистила их и положила на тарелку рядом с семью стеблями спаржи (такими тоненькими и хрустящими, что их даже не пришлось готовить). Добавила оливки, четыре ломтика козьего сыра, купленного вчера в *formaggeria* по соседству, и два кусочка розового маслянистого лосося. А на десерт – великолепный персик, его женщина с рынка дала бесплатно: он все еще хранил тепло римского солнца. Очень долго я не могла заставить себя прикоснуться к еде – так красиво смотрелся мой обед – наглядный пример умения сделать все из ничего. Наконец, налюбовавшись едой, я села на чистый деревянный пол – в то место, куда попадало солнце, – и руками съела все до кусочка, как обычно, читая статью в итальянской газете. Каждая молекула моего существа была наполнена счастьем.

Но вскоре, как часто бывало в первые месяцы моего путешествия, когда меня переполняло ощущение счастья, послышался тревожный звоночек. Чувство вины. Оно говорило презрительным тоном бывшего мужа: «Так вот ради чего ты все бросила? Вот ради чего погубила нашу совместную жизнь? Ради пучка спаржи и итальянской газеты?»

И я ответила вслух.

– Во-первых, – громко сказала я, – извини, конечно, но это больше тебя не касается. И во-вторых, ответ на твой вопрос: да.

22

Говоря о жизни в удовольствие в Италии, нельзя не затронуть еще одну тему, а именно секс. Как же без него?

Могу ответить просто: пока я здесь, я не хочу никакого секса.

Могу и посложнее, и более искренне: конечно, иногда мне очень хочется, но я решила пока не играть в эти игры. Не хочу ни к кому привязываться. Да, мне не хватает поцелуев – ведь я обожаю целоваться. (На днях так долго жаловалась по этому поводу Софи, что та не выдержала и раздраженно выпалила: «Ради бога, Лиз, если тебе совсем поплохее, давай я тебя поцелую!») Но пока я ничего предпринимать не собираюсь. Когда мне становится одиноко, я говорю себе: ну и пусть, Лиз, побудь немного в одиночестве. Научись быть одна. Прочувствуй, каково это. Хоть раз в жизни задержишься в таком состоянии. Радуйся новому опыту. Но никогда, никогда больше не используй другого человека физически и эмоционально, наваливая на него груз своей неудовлетворенности.

Такой подход – прежде всего крайнее средство выживания. Я очень рано узнала, что такое влюбленность и сексуальные удовольствия. Едва выйдя из подросткового возраста, завела первого бойфренда, и с тех пор, то есть с пятнадцати лет, в моей жизни постоянно присутствовали мальчики или мужчины (иногда и те и другие). С тех пор прошло – дайте-ка подсчитать – почти девятнадцать лет. Почти два десятка лет со мной рядом постоянно были мужчины. За одними отношениями следовали другие – порой и недели на передышку не было. И иногда я невольно задаюсь вопросом: не мешало ли мне это взрослеть?

Более того, в отношениях с мужчинами я склонна впадать в крайности. Это даже не совсем точное определение: ведь чтобы впадать в крайности, нужно иметь какое-то понятие о границах разумного. Я же рядом с любимым теряю их все. Я целиком отдаюсь чужому влиянию. Если уж я люблю, то отдаю все без остатка. Свое время, преданность, тело, деньги, семью, собаку, деньги моей собаки, время собаки: все – значит все. Если я люблю, то готова взять на себя чужую боль, чужие долги (во всех смыслах этого слова) и защитить любимого от его же комплексов, а также наделять его воображаемыми хорошими качествами, которых у него и в помине не было. Я готова закупить рождественских подарков для всех членов его семьи. Ради него я способна вызвать солнце и дождь, и если сразу не выйдет, то в следующий раз уж точно. Отдав другому все это и полкоролевства в придачу, я в конце концов почувствую себя полностью истощенной и измученной, и лишь одно будет способно восстановить мои силы – слепая влюбленность в следующего.

Гордиться тут нечем, но так было всегда.

Вскоре после расставания с мужем я оказалась на какой-то вечеринке, и парень, с которым я была едва знакома, заметил: «Знаешь, с тех пор, как появился Дэвид, ты стала совсем другим человеком. Раньше во всем была вылитый муж, а теперь – вылитый Дэвид. Ты даже одеваешься, как он, так же произносишь слова. Говорят, некоторые люди – копия своих собак. Так вот ты – копия своих мужчин».

Видит Бог, мне очень хотелось разорвать порочный круг, устроить передышку и выяснить наконец, как я выгляжу и произношу слова, когда не пытаюсь ни под кого подстроиться! Да и если честно, отказавшись ненадолго от интимных отношений, я оказала бы обществу щедрую услугу. Когда думаю о своих бывших, вспоминается мало хорошего. Сплошные фиаско. Я перепробовала влюбляться в совершенно разных мужчин и каждый раз терпела катастрофу – так столько можно? Сами посудите – если бы вы десять раз подряд попали в серьезную аварию, вам бы оставили водительские права? А вам самому захотелось бы водить машину?

Есть еще одна, последняя причина, почему я боюсь заводить отношения. Дело в том, что я до сих пор влюблена в Дэвида, а это было бы несправедливо по отношению к моему новому

парню. Я даже не уверена, действительно ли между нами все кончено. Перед моим отъездом в Италию мы продолжали часто общаться, хотя не спали вместе уже давно. Но оба признавали, что лелеем надежду когда-нибудь, однажды...

В общем, поди разберись.

В одном я уверена – мне надоело терпеть последствия поспешных решений и хаоса страстей, из которых состояла вся моя предыдущая жизнь. Перед отъездом в Италию у меня не осталось никаких сил – ни физических, ни моральных. Как почва на ферме издолбщика, истощенная вспашками и севом, я нуждалась в годике «под паром». Поэтому и отказалась от секса.

Поверьте, я понимаю, в какую забавную ситуацию попала, отправившись в Италию за поиском наслаждений и вместе с тем принеся добровольный обет целомудрия. Но воздержание – именно то, что мне сейчас нужно. Я окончательно убедилась в этом, услышав, как моя соседка сверху (сногсшибательно красивая итальянка с потрясающей коллекцией туфель на высоких каблуках) занимается сексом в компании очередного счастливчика, которому повезло очутиться в ее квартире, – очень долго и громко, в сопровождении мокрых шлепков, треска кровати и хруста позвонков. Неистовая вакханалия продолжалась больше часа, больше часа я выслушивала ахи и вздохи, дикие животные кличи и прочие звуковые эффекты. Лежа этажом ниже, уставшая и одинокая, я могла думать лишь об одном: «Какое же это тяжелое и напряженное дело...»

Конечно, порой от природы никуда не скрыться. Ведь в день мне встречается в среднем дюжина итальянцев, которых я была бы рада видеть в своей постели. Или себя в их постели. Короче, в любой постели. По-моему, мужчины в Риме до абсурда, до одурения, до обидного хороши собой. Они даже красивее местных женщин. Красота итальянцев сродни красоте французов – в стремлении к совершенству не упущено ни мелочи. Они похожи на выставочных пуделей. Порой выглядят так безупречно, что хочется аплодировать. Их красота невольно вызывает в памяти обороты из любовных романов: они «дьявольски привлекательны», их красота «жестока», а мускулы – как «у греческого бога».

Однако должна признаться, хоть это немного и обидно, местные красавцы на улице нечасто на меня заглядываются. По правде говоря, многие вообще не смотрят в мою сторону. Поначалу меня это насторожило. Прежде я была в Италии всего раз, мне было девятнадцать лет, и одно помню отчетливо: мужики на улице проходу не давали. И не только на улице, но и в пиццерии. И в кино. И в Ватикане! Их приставания были бесконечны и ужасны. Они чуть не испортили мне всю поездку, а иногда могли подпортить и аппетит. Зато теперь, в возрасте тридцати четырех лет, я, кажется, стала для них невидимкой. Конечно, иногда они обращаются ко мне по-дружески: «Вы прекрасно выглядите сегодня, *signorina*». Но это скорее исключение, чем правило, и не имеет ничего общего с агрессивным ухаживанием. Конечно, приятно, что противный незнакомец в автобусе тебя не лапает, но каждая женщина, кому не чуждо честолюбие, невольно задастся вопросом: что же изменилось? Неужели я? Или они?

И вот я порасспросила знакомых, и все подтвердили: да, в последние десять – пятнадцать лет в Италии действительно произошел некий сдвиг в этом направлении. Возможно, все дело в победе феминизма, или в культурной эволюции, или в неизбежном «осовременивании» в связи с вступлением в Евросоюз. А может, молодежь попросту стыдится того, что похотливость их отцов и дедов печально известна всему миру. Как бы то ни было, итальянское общество, видимо, решило, что подобные надоедливые приставания к женщинам следует прекратить. Теперь даже к хорошенькой юной Софи не липнут на улице – а раньше шведкам с их внешностью «кровь с молоком» приходилось хуже всего.

Одним словом, итальянские мужчины заслужили награду «за культурный прогресс».

И меня это очень радует. Ведь я было подумала, что все дело во мне. Испугалась, что на меня никто не обращает внимания, потому что мне уже не девятнадцать и я не такая красотка. И что мой приятель Скотт оказался прав, заметив прошлым летом: «Брось, Лиз, итальяшки больше приставать к тебе не будут. Только французы фанатеют от балзаковских теток!»

23

Вчера ходили на футбол с Лукой Спагетти и его друзьями. Играла «Лацио». В Риме две футбольных команды – «Лацио» и «Рома». Соперничество между ними (и взаимную ненависть их фанатов) просто невозможно описать, оно способно превратить счастливые семьи и тихие кварталы в зону боевых действий. Очень важно как можно раньше определиться, фанатом какой команды ты будешь, потому что от этого, в общем-то, зависит, с кем ты будешь тусоваться по воскресеньям до конца жизни.

У Луки с десяток близких друзей, и все они любят друг друга, как братья. Одна только проблема: половина – фанаты «Лацио», остальные болеют за «Рома». Тут уж ничего поделать нельзя: футбольные традиции устоялись в их семьях задолго до их рождения. Дед Луки (неужто его кличут дедушка Спагетти?) еще в младенчестве подарил ему первую небесно-голубую майку с символикой «Лацио». И сам Лука останется фанатом «Лацио» до самой смерти.

«Можно поменять жену, – говорит он, – сменить работу, национальность и даже религию. Но вот команду ни за что нельзя менять!»

Кстати, «фанат» по-итальянски *tifoso*. Это от слова «тиф». Одним словом, тот, кого сильно лихорадит.

Мой первый футбольный матч с Лукой Спагетти был похож на банкет в доме для умиренных, где вместо угощения – итальянская речь. На стадионе я нахватаюсь всяких новых и забавных слов, которым в школе не научат. Позади меня сидел старичок и сыпал живописнейшим матом, адресуя его игрокам на поле. В футболе я не спец, но тратить время и задавать Луке тупые вопросы о том, что происходит на поле, все же не стала. Я спрашивала его о другом: «Лука, а что сказал тот дядька, что сзади сидит? Что значит *cafone*?» А Лука отвечал, не отрываясь от игры: «Козлина. Вот что это значит».

Я записывала все в блокнотик. Потом зажмуривалась и слушала старика матершинника дальше. Это звучало примерно так:

Dai, dai, dai, Albertini, dai... va bene, va bene, ragazzo mio, perfetto, bravo, bravo... Dai! Dai! Via! Via! Nella porta! Eccola, eccola, eccola, mio bravo ragazzo, caro mio, eccola, eccola, ecco— AAAHHHHHHHHHHH!!! VAFFANCULO!!! FIGLIO DI MIGNOTTA!! STRONZO! CAFONE! TRADITORE! Madonna... Ah, Dio mio, perché, perché, perché, questo è stupido, è una vergogna, la vergogna... Che casino, che bordello... NON HAI UN CUORE, ALBERTINI! FAI FINTA! Guarda, non è successo niente... Dai, dai, ah... Molto migliore, Albertini, molto migliore, sì sì sì, eccola, bello, bravo, anima mia, ah, ottimo, eccola adesso... nella porta, nella porta, nell... VAFFANCULO!!!!!!!!!

Все это можно попытаться перевести примерно так:

Давай же, Альбертини, давай, давай... Отлично, отлично, мой мальчик, прекрасно, супер, супер... Вперед! Вперед! Вмажь им! Вмажь! В ворота! Так, так, так, мой дорогой мальчик, моя прелесть, так, так, та... НННЕЕЕТ! АХ ТЫ ЖОПА! СУКИН СЫН! ГОВНОЕД! КОЗЛИНА! ПРЕДАТЕЛЬ!! Мать Божья... Ох Господи, за что мне это, за что, за что... вот дурень, вот позорище, позор на мою голову... Какой кошмар... [Примечание автора: увы, невозможно как следует перевести такие замечательные итальянские выражения, как *che casino* и *che bordello*, дословно означающие «что за казино!» и «что за бордель!», ну а в переносном смысле – какой кошмар.] ... БЕССЕРДЕЧНЫЙ УБЛЮДОК, АЛЬБЕРТИНИ!!! МОШЕННИК! Смотри, ничего не случилось... Ну давай же, давай, эй, вперед... Вот так намного

лучше, Альбертини, да-да-да, вот так, молодчина, супер, ох, отлично, ну вот, давай... в ворота, в ворота, в воро... АХ ТЫ ЖОПА!!!!

Что за уникальные и счастливые минуты в моей жизни – сидеть прямо перед этим старикашкой. Любое слово, вылетающее у него изо рта, было для меня как нектар. Мне даже захотелось откинуть голову и положить ее ему на колени, чтобы его красноречивые сквернословия беспрерывно лились мне в уши. И ни один только старичок был столь речист. Аналогичными монологами гудел весь стадион. А какой там был накал! Стоило на поле свершиться мало-мальски серьезному нарушению правил – как весь стадион вскакивал на ноги и принимался возмущенно махать руками и материться, словно всех этих болельщиков в количестве двадцати тысяч только что подрезали на дороге. Футболисты из «Лацио» не уступали по накалу страстей своим фанатам, катаясь по земле в муках боли, как в сцене умирания из «Юлия Цезаря» (сто-процентная игра на публику), а через две секунды подскакивая на ноги, чтобы возглавить очередную атаку на ворота.

Но они все равно проиграли.

Нуждаясь в поднятии духа после матча, Лука Спагетти спросил ребят, не хотят ли они «завалиться куда-нибудь».

Я подумала, что он имеет в виду «завалиться в бар». В Америке футбольные фанаты всегда идут в бар, если их команда проигрывает, так? Заваливаются в бар и напиваются в хлам. Да и не только в Америке – в Англии, Австралии, Германии... да везде так делают! Но Лука с ребятами вовсе не в бар направились. Они пошли в кондитерскую. В маленькую безобидную булочную-кондитерскую в подвальчике дома в невзрачном римском квартале. В воскресенье вечером там было не протолкнуться. Но так всегда после матчей: фанаты «Лацио» заходят сюда по дороге со стадиона и часами торчат на улице, облокотившись на свои мотороллеры. Эти супермачо обсуждают игру и... уминают эклеры.

Обожаю Италию.

24

Я учу примерно двадцать новых слов в день. Учусь постоянно – гуляя по городу, проглядывая свои карточки со словами и натыкаясь на прохожих. Откуда в моей голове место для всех этих слов? Вот хорошо, если бы мозг решил стереть старые негативные мысли и грустные воспоминания, а на их место поместить новенькие итальянские слова!

Я тужусь над своим итальянским, а втайне все равно надеюсь, что однажды он вдруг откроется мне – безграничный и совершенный. Однажды я открою рот и как по волшебству бегло заговорю по-итальянски. Тогда я стану настоящей итальянкой, а не американкой до мозга костей, которой до сих пор инстинктивно хочется крикнуть «Поло!», когда кто-то зовет через улицу своего приятеля *Марко*. Мне так хочется, чтобы итальянский просто взял и *поселился* во мне, но слишком уж много в этом языке загвоздок. Почему, к примеру, «дерево» и «отель» по-итальянски так похожи (*albero* и *albergo*)? Из-за этой схожести я постоянно смущаю людей, говоря, что на нашей ферме мы выращивали гостиницы – вместо более точного и куда менее сюрреалистичного «мы выращивали деревья». Есть и слова с двойным и даже тройным значением. Скажем, *tasso*. Процент, барсук или тис – в зависимости от контекста. Но больше всего меня расстраивает, когда натыкаешься на откровенно некрасивые итальянские слова – как ни печально, бывают и такие. Вы уж извините, но я не для того тащилась аж в самую Италию, чтобы зубрить произношение словечек типа *скермо* (ширма).

Но в целом тащиться сюда все же стоило. Ведь по большей части итальянский – чистое удовольствие. Нам с Джованни очень нравится учить друг друга выражениям на итальянском и английском. На днях разговор зашел о фразах, которые люди говорят друг другу в утешение. Я объяснила Джованни, что на английском мы иногда говорим: «И я там был». Он сперва не понял – я был где? Но я пояснила, что глубокая печаль порой напоминает определенное место, становится координатой на карте времени. Заблудившись в дебрях уныния, иногда и представить не можешь, что когда-нибудь выберешься отсюда и окажешься в более приятном месте. Но если кто-то говорит, что когда-то «был там», а теперь вот выбрался, это вселяет надежду.

– Так значит, грусть – это место? – спросил Джованни.

– Иногда люди живут там годами, – отвечала я.

Джованни в свою очередь сказал, что сопереживающие итальянцы говорят: «*L'ho provato sulla mia pelle*», что означает «я вынес это на своей шкуре». То есть – и я тоже обжигался, и у меня остались шрамы, я точно знаю, что ты чувствуешь.

До сих пор самое любимое слово, выученное мною по-итальянски, – это очень простое и распространенное *attraversiamo*.

Оно обозначает «давай перейдем улицу». Друзья говорят это слово сплошь и рядом, когда идут по тротуару и вдруг решают перейти на другую сторону. Это такое слово для пешеходов. В нем нет ничего особенного. Но мне почему-то оно прямо-таки в душу запало. Когда Джованни впервые его произнес – мы тогда шли мимо Колизея, – я вдруг услышала это прекрасное слово и замерла как вкопанная, а потом спросила:

– Что это значит? Что ты сейчас сказал?

– *Attraversiamo*.

Джованни никак не мог понять, чем мне оно так приглянулось. Давай перейдем улицу? Но моему слуху оно казалось идеальным сочетанием итальянских звуков. Меланхоличное «ah» в начале, переливчатая трель, мягкое «s» и тягучая завершающая каденция «ии-аа-мо». Обожаю это слово. И не устаю его повторять. Использую любой предлог, чтобы его произнести. Софи уже с ума сходит. Давай перейдем улицу! Давай перейдем улицу! Я постоянно таскаю ее

туда-сюда через улицы с римскими машинами-камикадзе. В один прекрасный день это слово может стоить нам жизни.

А вот любимое английское слово Джованни – «полудурок».

Луке Спагетти нравится «капитуляция».

25

В Европе сейчас идет мощная борьба. Сразу несколько городов воюют за звание величайшей европейской столицы двадцать первого века. Будет ли это Париж? Лондон? Берлин? Цюрих? А может, Брюссель, столица нового Евросоюза? Все они стараются перещеголять друг друга в культуре, архитектуре, политике, финансах. Но Риму нет дела до этой погони за статусом. Рим не участвует в гонках. Он лишь наблюдает за суетой и дерзаниями со стороны, абсолютно невозмутимый, словно хочет сказать: «Что бы вы ни делали, Рим всегда будет Римом». Меня бесконечно вдохновляет царственная уверенность этого города – такого целостного, крепко стоящего на ногах, удивленно вззирающего на мир с монументальной высоты, понимающего, что история надежно укрывает его своей сенью. В старости мне бы хотелось стать похожей на Рим.

Сегодня я отправляюсь на шестичасовую прогулку по городу. Это не так утомительно, как кажется, особенно если часто останавливаться в кафе и подзаряжаться эспрессо и пирожными. Стартую у двери своего дома и не спеша иду по родному кварталу с его магазинами и многонациональной толпой. (Хотя в традиционном смысле слова я не назвала бы это кварталом. Если все мы – ребята из одного квартала, то среди моих соседей можно встретить таких простых «ребят», как Валентино, Гуччи и Армани.) Этот район всегда был престижным. Рубенс, Теннисон, Стендаль, Бальзак, Лист, Вагнер, Теккерей, Байрон, Китс – все жили здесь. Место, где я живу, называют «английским гетто» – именно здесь останавливались аристократы из высшего света, совершая гранд-туры по Европе. Один лондонский клуб для путешественников назывался «*Society of Dilettanti*» – представьте, эти люди афишировали себя как дилетантов! Выдающееся бесстыдство...

Я иду по направлению к пьяцца дель Пополо с ее великолепной аркой, сотворенной Бернини в честь достопамятного визита шведской королевы Кристины. (Ее след в истории был подобен взрыву нейтронной бомбы. Вот как моя подруга Софи описывает великую королеву: «Она была превосходной наездницей, охотницей, ученой, перешла в католичество и тем самым спровоцировала огромный скандал. Кое-кто утверждает, что на самом деле она была мужчиной, во всяком случае, ее лесбийские наклонности были очевидны. Она носила брюки, ездила на археологические раскопки, собирала предметы искусства и напроочь отказалась рожать наследника».) Рядом с аркой – церковь: можно войти бесплатно и полюбоваться двумя полотнами Караваджо, изображающими мучения святого Петра и обращение святого Павла (переполненный благодатью Господней, тот упал на землю в священном трепете, не убедив, однако, даже своего коня). Глядя на картины Караваджо, я всегда преисполняюсь чувств и становлюсь плаксивой, поэтому, чтобы приободриться, я направилась в другую часть церкви и стала разглядывать фреску, на которой красовался самый счастливый, пухлый и смешной малыш Иисус во всем Риме.

Иду дальше на юг. Прохожу мимо палаццо Боргезе – эти стены видали немало знаменитых жильцов. В их числе Полин, скандально известная сестра Наполеона, державшая здесь несметное число любовников. Еще ей нравилось использовать служанок в качестве табурета для ног. (Прочитав эту фразу в путеводителе по Риму, невольно думаешь, что прочел неправильно, но нет, все так и было. Полин также нравилось, чтобы в ванну ее относил, как тут написано, «негр-гигант».) Прогуливаюсь по берегу широкого болотистого первозданного Тибра, до самого острова Тибр. Это мое любимое уединенное местечко в Риме. Остров издавна связан с целительством. В двести девяносто первом году до нашей эры, после эпидемии чумы, здесь был построен храм Эскулапа; в Средние века монашеский орден под названием Фатабенефрателли («добрых дел братцы» – смешное название) соорудил здесь госпиталь, да и сейчас на острове больница.

На другом берегу – квартал Трастевере, который, как говорят, населяют самые что ни на есть коренные римляне – работяги, те самые ребята, что за много веков построили все памятники по ту сторону Тибра. Там я обедаю в тихой траттории, смакуя еду и вино не спеша – потому что ни один трастеверец никогда не помешает вам спокойно обедать, если вам так хочется. Заказываю ассорти из брускетты, спагетти *cacio e pepe* (простейшее римское блюдо – паста с сыром и перцем) и небольшого жареного цыпленка, которого съедаю пополам с бродячей собакой – она наблюдала за моим обедом такими глазами, какие бывают лишь у бродячих собак.

Возвращаюсь к мостику и оказываюсь в старинном еврейском гетто – печальное место, веками стоявшее нетронутым, пока его не разорили нацисты. Сворачиваю обратно к северу и иду мимо пьядца Навона с ее огромным фонтаном в честь четырех великих рек планеты Земля (и мутный Тибр гордо, хоть и не совсем правомерно, в их числе). Потом я иду посмотреть на Пантеон. Я хожу смотреть на Пантеон при каждом случае, ведь как-никак я живу в Риме, а в старой поговорке говорится, что кто был в Риме и не видел Пантеона, тот «как приехал ослом, так и уехал».

По дороге домой делаю небольшой крюк, чтобы наведаться в одно место, которое почему-то обладает для меня странной притягательностью: мавзолей Августа. Это большая, круглая, полуобсыпавшаяся груда кирпича некогда была великолепным мавзолеем, построенным Октавианом Августом для захоронения собственных останков и всех членов его семьи на вечные века. Должно быть, в то время императору было трудно представить, что пройдет время – и Рим перестанет быть могущественной империей, боготворящей Августа. Разве мог он предвидеть, что его мир исчезнет? Разве мог знать, что варвары разрушат акведуки и превратят в руины великолепные дороги, а город опустеет, и пройдет ни много ни мало двадцать веков, прежде чем численность римского населения сравняется с той, что была во времена прежней славы?

Мавзолей Августа был разрушен и разграблен в Средние века. Прах императора был украден, кем – неизвестно. В двенадцатом веке влиятельная семья Колонна перестроила мавзолей в крепость, чтобы защититься от нападений многочисленных враждующих княжеств. Впоследствии на месте мавзолея разбили виноградник, затем – сад эпохи Возрождения; были здесь и арена для травли быков (в восемнадцатом веке), и склад фейерверков, и концертный зал. В тридцатые годы Муссолини конфисковал здание и восстановил его первоначальный вид – с целью в один прекрасный день сделать местом собственного захоронения. (Должно быть, ему тоже было трудно представить, что пройдет время – и Рим перестанет быть империей, боготворящей Муссолини.) Как известно, фашистские мечты Муссолини оказались недолговечными, и похорон на императорском уровне не вышло.

Сегодня мавзолей Августа – одно из самых тихих и уединенных мест в Риме. Он стоит, глубоко погрузившись в землю. С веками город вокруг него вырос. (Два с половиной сантиметра в год – средняя скорость, с которой города вытягиваются вверх со временем.) Над мавзолеем в бешеном колесе кружатся машины, а вниз никто никогда не спускается (я ни разу не видела) – лишь иногда место используют как общественный туалет. Но здание до сих пор стоит, с достоинством держится на римской земле в ожидании очередной реинкарнации.

Непоколебимость мавзолея Августа вселяет в меня спокойствие. За свою жизнь это сооружение послужило самым разнообразным целям и каждый раз адаптировалось к диким временам. Мавзолей Августа можно сравнить с женщиной, которая прожила совершенно сумасшедшую жизнь: сначала была, скажем, обычной домохозяйкой, потом внезапно овдовела и, чтобы свести концы с концами, подалась в стриптизерши, но в результате каким-то образом умудрилась стать первой женщиной-дантистом, побывавшей в космосе, а потом баллотировалась в сенат. Но в каждой из этих ипостасей неизменно оставалась собой.

Глядя на мавзолей Августа, я понимаю, что мою жизнь, пожалуй, нельзя назвать столь безумной. Это наш мир сошел с ума: он приносит перемены, которых никто не ожидал. Для

меня мавзоль Август – свидетельство того, что нельзя привязываться к устаревшим понятиям о том, кто я такая, что собой представляю, кому принадлежу и каково мое предназначение. Что еще вчера было величественным памятником – завтра может стать складом фейерверков. Даже в Вечном городе, твердит безмолвный мавзоль, нужно всегда быть готовым к стремительным и непрерывным изменениям.

26

Еще до отъезда в Италию, в Нью-Йорке, я отправила самой себе коробку с книгами. Посылка должна была прийти по моему римскому адресу в течение четырех – шести дней, однако на итальянской почте, кажется, ошиблись и прочли «четыре – шесть» как «сорок шесть», – иначе почему прошло уже два месяца, а о посылке ни слуху ни духу? Друзья-итальянцы говорят, что лучше мне о ней забыть. Мол, посылка может и прийти, а может и не прийти никогда, и поделаться ничего нельзя.

– Может, ее украли? – жалею я Луке Спагетти. – Или на почте потеряли?

Он прикрывает рукой глаза:

– Не задавай глупых вопросов. Ты только больше расстроишься.

Загадка пропавшей посылки стала поводом для долгого спора между мною, моей подругой, американкой Марией, и ее мужем Джулио. Мария считает, что в цивилизованном обществе люди должны быть уверены, что можно положиться на своевременную доставку почты, но Джулио другого мнения. Он полагает, что такое явление, как доставка, за пределами человеческого контроля и подвластно лишь судьбе, поэтому никто не может гарантировать, что посылка будет доставлена. Мария раздосадованно заявляет, что это всего лишь очередное свидетельство различий между католиками и протестантами. Лучше всего эту разницу доказывает тот факт, что итальянцы, в том числе ее собственный муж, хронически не способны строить планы на будущее, да что уж там – на неделю вперед. Спросите протестанта с американского Среднего Запада, не согласится ли он поужинать с вами на следующей неделе, и он в полной уверенности, что является капитаном собственной судьбы, ответит: «Четверг меня устроит». Но стоит попросить о том же католика из Калабрии, тот лишь пожмет плечами, возведет глаза к небесам и воскликнет: «Откуда мне знать, где я буду вечером следующего четверга, ведь все в руках Божьих, и судьба наша нам неизвестна!» Но, несмотря на это, я пару раз заходила на почту и пыталась найти посылку. Правда, безуспешно. Работница римской почты была очень недовольна, что я прервала ее телефонный разговор с бойфрендом. А в стрессовых ситуациях мой итальянский меня подводит – хоть нельзя не признать, что в последнее время я говорю намного лучше. Я пытаюсь логично объяснить, что посылка с книгами пропала, но сотрудница почты смотрит на меня так, будто я пузыри пускаю.

– Может, она придет через неделю?

Девушка пожимает плечами:

– *Magari*.

Еще одно непередаваемое итальянское словечко, может обозначать что угодно – от «возможно» до «размечталась, наивная».

Ну, может, это и к лучшему. Ведь я уже забыла, что за книжки там были. Наверняка какое-нибудь фуфло, непременно подлежащее изучению, чтобы «понять Италию». Полная коробка книг с жизненно необходимой информацией по Риму, которая теперь, когда я здесь, кажется совершенно ненужной. Похоже, там даже была полная «История заката и падения Римской империи» Гиббона. Думаю, без нее мне будет лучше. Жизнь так коротка, и к чему тратить одну девяностую оставшихся дней на Земле на занудство вроде Эдварда Гиббона?

27

На прошлой неделе познакомилась с девчонкой из Австралии, которая совершает свое первое путешествие по Европе с рюкзаком за плечами. Я объяснила ей, как пройти к вокзалу. Девушка ехала в Словению – узнать, что за страна такая. Услышав о ее планах, я вдруг почувствовала глупую зависть и подумала: «Я тоже хочу в Словению! Почему это я никогда никуда не езжу?»

Вообще-то, наблюдательный читатель заметит, что я вроде как тоже путешествую. А когда хочется путешествовать, по дороге недолго и от жадности лопнуть. Как если бы я фантазировала о сексе с любимым киноактером, при этом занимаясь сексом с другим, тоже любимым киноактером... Но раз уж эта девочка спросила у меня дорогу (решив, что я местная), значит, я вовсе не путешествую, а живу в Риме. Пусть временно, но живу. Более того, когда эта девочка ко мне подошла, я как раз бежала оплачивать счет за электричество – разве дело для путешественника? Энергетика путешествия и энергетика статичного пребывания в одном месте фундаментально разнятся, и, встретив юную австралийку, направлявшуюся в Словению, мне вдруг невыносимо захотелось куда-нибудь уехать.

Поэтому я позвонила Софи и сказала: «Поехали в Неаполь на один день – пиццы поедем!»

И вот всего через несколько часов мы едем в электричке и почти мгновенно, как по волшебству, оказываемся в Неаполе. Я моментально влюбляюсь в этот город. Дикий, безумный, шумный, грязный, хамоватый Неаполь. Муравейник в кроличьем садке, смесь экзотики ближневосточного базара и таинственности нью-орлеанского вуду. Здесь, как в сумасшедшем доме, царят наркотический угар, опасность и разгул. Мой приятель Уэйд был в Неаполе в семидесятые, и его ограбили... в музее. Главное украшение города – белье, развешанное во всех окнах и через улицы: свежестыренные ночнушки и лифчики развеваются на ветру, как тибетские флаги. В Неаполе нет ни одной улицы, где не встретишь нахального мальчика в шортах и разных носках, который стоит на тротуаре и что-то горланит другому такому же мальцу на крыше напротив. Нет и ни одного дома, в окне которого не сидела бы по меньшей мере одна скрюченная бабулька, подозрительно взирающая на происходящее внизу.

Здесьние жители до психоза гордятся своим неаполитанским происхождением, и не зря. Ведь этот город подарил миру пиццу и мороженое. Местные женщины – банда хриплых, громкоголых, добродушных и дотошных матрон с командирскими манерами. Они лезут тебе прямо под нос с раздраженным видом и пытаются помочь такой неумехе – им до всего есть дело! Неаполитанский акцент – как дружеская оплеуха, словно весь город – повара, горланящие поваряткам приказания на кухне, причем все одновременно. Здесь до сих пор говорят на местном диалекте, а сленг – эта текучая субстанция – меняется постоянно, но мне порой кажется, что именно неаполитанцев легче всего понять. Почему? Да потому, что они хотят, чтобы их поняли. В Неаполе говорят громко и отчетливо, и если уж слова непонятны, то все доскажут жестами. Как та семилетняя панкушка, что ехала на багажнике мотороллера со своей сестрицей и показала мне средний палец, при этом улыбнувшись совершенно очаровательно. Эта улыбка словно говорила: «Эй, тетя, не держи на меня зла, ведь мне всего семь лет, но уже в таком возрасте мне ясно, что ты – полная ослиха. Но ничего, ты все равно мне нравишься, несмотря на твое тупое лицо. Мы обе знаем, что ты хотела бы оказаться на моем месте, но уж извини – не выйдет. Поэтому вот тебе мой средний палец, приятного отдыха в Неаполе, и – *ciao!*»

Как и повсюду в Италии, в Неаполе в любое время можно увидеть мальчишек, подростков и взрослых парней, играющих в футбол. Но тут футболом не ограничиваются. Вот, например, сегодня видела ребят, мальчишек лет восьми, которые смастерили самодельные стулья и стол

из ящиков и сели играть в покер на площади, да с таким азартом, что я побоялась, как бы кого не пристрелили.

Мои близнецы Джованни и Дарио тоже родом из Неаполя. В это трудно поверить. Не могу представить робкого, прилежного, доброго Джованни мальчишкой среди этой, не побоюсь выразиться, черни. Но он определенно из Неаполя – ведь перед отъездом из Рима он дал мне название пиццерии, в которой обязательно нужно побывать, так как, по словам Джованни, там делают лучшую в Неаполе пиццу. Учитывая, что лучшая пицца в Италии – неаполитанская, а лучшая пицца в мире, разумеется, из Италии, перспектива побывать в этой пиццерии кажется весьма заманчивой – ведь это значит, что там подают... страшно даже произнести... *лучшую пиццу в мире!* Джованни до того серьезно и торжественно сообщал мне название этого места, словно посвящал меня в какое-то тайное общество. Вложив мне в кулак записку с адресом, он в обстановке строжайшей секретности произнес: «Прошу тебя, обязательно сходи в эту пиццерию. Возьми маргариту с двойной моцареллой. Если будешь в Неаполе и не попробуешь эту пиццу, пожалуйста, потом соври мне, что попробовала».

И вот мы с Софи сидим в «Пиццерия да Микеле», и наши пиццы – по одной на каждую – просто сводят нас с ума. Моя нравится мне до такой степени, что, кажется, у меня едет крыша и в бреду я начинаю думать, что и пицца тоже меня обожает. У нас с этой пиццей любовь, прямо-таки роман. Софи тем временем чуть не рыдает над своей, у нее случился метафизический кризис, и она вопрошает: «Ну зачем, зачем в Стокгольме повара пытаются делать пиццу? Как можно вообще есть в Стокгольме?»

«Пиццерия да Микеле» – крошечное заведение, здесь всего два зала и одна печь, выпекающая пиццу нон-стоп. От вокзала – пятнадцать минут пешком под дождем, но это не должно вас останавливать: идите. Лучше прийти пораньше, а то иногда у них кончается тесто – и тогда ваше сердце будет разбито. Примерно к часу дня улица у входа в пиццерию уже кишит неаполитанцами, которые пытаются пробиться внутрь, прокладывая себе путь локтями – точно хотят занять место на спасательной шлюпке. Меню отсутствует. Здесь подают всего два вида пиццы: обычную и с двойным сыром. О новомодной чепухе вроде калифорнийской с оливками и сушеными томатами здесь слыхом ни слыхивали. Тесто – я понимаю, это примерно на середине пиццы – больше похоже на нан – индийскую пресную лепешку, чем на ту пиццу, что мне доводилось пробовать прежде. Оно мягкое, пружинистое и упругое, но при этом на удивление тонкое. А я-то всегда думала, что тесто для пиццы может быть или тонким и хрустящим, или толстым и мягким. Откуда мне было знать, что в мире есть такое тесто, которое может быть и тонким и мягким одновременно? Святые небеса! Тонкое, мягкое, крутое, пружинистое, вкусное, рассыпчатое, соленое – райское тесто для пиццы. Сверху – сладкий томатный соус, превращающийся в пузырчатую кремообразную пену, смешиваясь с расплавленной свежей моцареллой из буйволиного молока, а в середине всего этого великолепия – одна-единственная веточка базилика, наполняющая всю пиццу пряным ароматом, словно кинозвезда в сверкающем платье в центре зала, рядом с которой все присутствующие ощущают себя звездами. На практике съесть это невозможно. Стоит откусить кусочек – и мягкое тесто падает, горячий сыр течет, как земля в оползень, и ты выглядишь как поросенок, а стол вокруг похож на свинарник. Но не надо обращать внимания – просто ешьте.

Ребята, творящие это чудо, швыряют пиццы в дровяную печь и больше всего напоминают истопников в недрах громадного корабля, бросающих уголь в огненную топку. Закатанные рукава оголяют потные бицепсы, лица покраснелись от натуги, один глаз прищурен от жара, а изо рта свисает сигарета. Мы с Софи заказываем еще по одной – по второй целой пицце на каждого, – и как Софи ни пытается взять себя в руки, пицца настолько хороша, что тут уж не до приличий.

Пару слов о моей нынешней фигуре. Что уж говорить – толстею с каждым днем. В Италии я стала относиться к своей фигуре совершенно бесцеремонно, набивая живот сыром, пастой,

хлебом, вином, шоколадом и тестом для пиццы в невообразимых количествах. (Кстати, мне сказали, что в другой пиццерии в Неаполе можно попробовать шоколадную пиццу. Ну что за бред? Я, конечно, пошла и попробовала, и пицца оказалась вкусной – но что это за пицца с шоколадом?) Я не занимаюсь спортом, ем мало клетчатки и не принимаю витамины. В прошлой жизни я ела на завтрак йогурт из экологически чистого козьего молока с зародышами пшеницы. Но та жизнь давно прошла. В Штатах Сьюзан говорит всем знакомым, что ее подруга сейчас занимается «углеводным туризмом». Но мой организм очень хорошо реагирует. Он словно не обращает внимания на мои злоупотребления и оплошности и говорит: «Ну ладно, так и быть, живи в свое удовольствие. Я-то понимаю, что это лишь временно. Дай знать, когда закончится твой маленький эксперимент с поиском чистого удовольствия, а там посмотрим, как восполнить ущерб».

И все же, глядя в зеркало лучшей пиццерии в Неаполе, я вижу счастливое, пышущее здоровьем лицо. Глаза блестят, кожа разгладилась... В последний раз я видела себя такой очень давно.

– Спасибо, – шепчу я.

Мы с Софи бежим под дождь – искать кондитерскую.

28

Пожалуй, именно мое нынешнее счастливое мироощущение (которому всего-то несколько месяцев от роду) наталкивает меня на мысль, что пора как-то разобраться с Дэвидом. Вернувшись в Рим, я начинаю думать, не настало ли время навсегда поставить точку в этой истории. Мы уже расстались официально, но все же еще была надежда, что однажды (возможно, после возвращения из странствий, через год раздельного существования) мы решим попробовать снова. Ведь мы любили друг друга. В этом никто никогда не сомневался. Просто мы так и не выяснили, как жить вместе, не причиняя друг другу невыносимую, острую, душевную боль.

Прошлой весной Дэвид полусуто предложил совершенно дикое решение наших проблем: «Что, если нам смириться с тем, что отношения у нас плохие, и просто жить дальше? Достаточно признаться один раз и успокоиться: да, мы сводим друг друга с ума, постоянно ссоримся и почти не занимаемся сексом, но друг без друга не можем. Так и проживем до смерти – будем несчастны, зато рады, что вместе».

Последние десять месяцев я серьезно раздумывала над его предложением, что еще раз доказывает, как отчаянно я влюблена в этого парня.

Была и альтернатива, на которую каждый в глубине души надеялся: что кто-то из нас изменится. Я надеялась, что Дэвид станет более открытым и не будет отгораживаться от человека, который любит его, опасаясь, что тот залезет к нему в душу. Что касается меня, я могла бы научиться... не лезть людям в душу.

Как часто мне хотелось научиться вести себя с Дэвидом так, как моя мама с отцом, то есть стать независимой, сильной, самодостаточной. Перейти на полное самообеспечение, существовать без регулярных вливаний в виде романтических жестов и комплиментов от отца – фермера и волка-одиночки. Беззаботно сажать грядки с маргаритками, будучи окруженной каменными стенами необъяснимого молчания, которые папа порой возводит вокруг себя. Я папу люблю больше всего на свете, но он странноват, нельзя не заметить. Один из моих бывших вот что о нем сказал: «Твой отец как будто только одной ногой на земле стоит. А ноги у него длинные...»

По мере взросления мне постоянно приходилось видеть, как отец дарит маме любовь и нежность лишь тогда, когда ему взбредет в голову. В остальное же время, пока он пребывает в собственном мире, рассеянно игнорируя все вокруг, она не пристаёт к нему и занимается своими делами. По крайней мере, так мне казалось со стороны, ведь на самом деле никто (и тем более дети) не подозревает, что в действительности происходит между двумя женатыми людьми. По мере взросления я твердо убедилась в том, что моей матери ничего ни от кого не нужно. Такая у меня мама – в старших классах она сама научилась плавать, одна, в холодном озере в Миннесоте, по книжке «Как научиться плавать», взятой в местной библиотеке. Так что долгое время я считала, что эта женщина способна на что угодно без посторонней помощи.

Но незадолго до отъезда в Рим у нас с мамой состоялся разговор, на многое открывший мне глаза. Она приехала в Нью-Йорк, чтобы пообедать со мной, и откровенно спросила, – нарушив все каноны общения в истории нашей семьи, – что случилось у нас с Дэвидом. В свою очередь наплевав на Свод Правил Стандартного Общения Семейства Гилберт, я все ей рассказала. Выложила как на духу. Как я люблю Дэвида, но как мне одиноко и тошно с этим парнем, которого вечно как будто нет в комнате, в кровати, на нашей планете – хотя на самом деле он есть.

– Прямо как твой отец, – сказала мама, сделав храброе и великодушное признание.

– Проблема в том, – ответила я, – что я не похожа на свою мать. Я не такая непробиваемая, как ты, мам. Я нуждаюсь в близости любимого человека постоянно. Жаль, что я не похожа

на тебя, тогда бы у нас с Дэвидом, может, что и вышло. Но это просто ужасно – знать, что однажды мне может понадобиться его поддержка и я не смогу на нее рассчитывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.